

Вячеслав Сукhareв

ПРИЧАЛЫ ЛЮБВИ

Книга первая

18+

Вячеслав Сукачев

Причалы любви. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сукачев В. В.

Причалы любви. Книга первая / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-8874-0

Первый роман Вячеслава Сукачева "Причалы любви" - произведение знаковое, определившее творческий путь автора. Каждая последующая книга Сукачева, это лишь новый причал любви, где люди самых разных поколений всерьез и надолго "заболевают" этим потрясающим чувством. В романе много персонажей, так что сразу не определишь, кто из них главный, и это заставляет читателя пристально всматриваться в каждого героя. Молодой врач Славик Сергеев и его сестра Светлана, парашютист Огонек и браконьер Бочкин, красавица Лена, Надечка Дулина и хирург Виктор Щербунько - все они ищут и находят свои причалы любви.

ISBN 978-5-5320-8874-0

© Сукачев В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	11
V	14
X	25
XV	35
Часть вторая	40
I	40
II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Часть первая

I

Был первый час ночи, когда Славик Сергеев возвращался домой. Он медленно брел по тротуару, под низкими тополиными ветвями, с удовольствием вдыхая терпко-клейкий запах молодых листьев, и был переполнен тем удивительным счастьем, которое приходит к человеку вместе с ожиданием близких перемен, новой жизни, новых встреч и знакомств. Четверть часа назад он простился с товарищами, долго и немного утомительно заверявшими его в вечной любви, обещаниями писать и помнить. И сам Славик, смущаясь, волнуясь, говорил что-то искренно, убежденно, кажется, тоже клялся в любви, давал какие-то обещания, крепко и продолжительно жал руки товарищей. Теперь, вспоминая об этом, он с гордостью думал о себе и товарищах, наделенных высоким чувством настоящей дружбы. Еще он вспоминает розовые, с ямочками щечки Надечки Дулиной, ее неожиданно зеленые и узкие глаза, и ему почему-то становится грустно и жаль себя. Впрочем, долго грустить он сейчас не мог, и потому прехорошенькое личико Надечки Дулиной быстро растаяло в ночном воздухе, уступив место другим не менее важным и значительным картинам воспоминаний.

Ночь была светлой и свежей. Свет шел от полной луны, косо проплывавшей над городом, от звезд и спутников, пунктирно прочерчивающих небосвод, а свежесть шла от Амура, и только от него. И Славiku захотелось на набережную. Свернув на Амурский бульвар, он так же медленно пошел к Амуру, счастливо и доброжелательно улыбаясь встречным парам, впрочем не обращавшим на него никакого внимания. Это пренебрежение немного обижало Славика, и он хотел было остановить какую-нибудь парочку и что-нибудь спросить у них, но тут же передумал, махнул рукой и не менее счастливый побрел дальше.

От выпитого вина голова у Славика слегка кружилась, но в этом не было ничего неприятного для него, и даже наоборот: он чувствовал себя сильным и смелым, способным сделать что-то великое, покарать любое зло и простить любую обиду. Но, увы, прощать никого не требовалось и тем более – карать. А просто была светлая ночь, легонько кружилась голова и вечным путем убежали воды к далекому океану. И вот по этим водам, по этой могучей реке предстояло Славiku завтра отправиться в новую жизнь. И тут опять он вспомнил Надечку Дулину, ее зеленые глаза, быстрый и приглушенный шепот:

– Славочка, миленький, я тебя ждать бу-уду-у... Ты ничего такого не думай...

Надечка Дулина. Так долго она его не замечала, а тут вдруг такие слова? Впрочем, ладно... Когда он вернется возмужавшим и сильным, она уже вряд ли рискнет при нем упорхнуть с каким-то там офицером на танец в ресторане... Завтра, завтра начинается новая жизнь...

Славик немного смутился, когда выяснилось дома, что все собрались в гостиной и ждут его, что стол накрыт, горячее остыло, а холодное уже не так свежо и вкусно.

– Бессовестный, – сердито прошептала Светлана, – второй час ночи, а он...

– Но я ведь не знал, – растерялся Славик.

– Ему хотели сюрприз, – негодовала сестра, – мама, папа ждут...

Кроме отца и матери, за столом сидели Лена, жена старшего брата, и Светланина подруга Варя. Но Славик был так смущен и огорчен, что даже не удивился присутствию Вари в столь поздний час.

– А вот и наш герой, – добродушно усмехнулся отец, откладывая в сторону журнал, – кто говорил, что он вообще не придет?

Выручила Славика конечно же мать. Она прикрикнула на Светлану, укоризненно взглянула на отца, попросила помочь Лену, и сразу же все засуетились вокруг стола, заговорили, и Славик успокоился.

– Со всеми простился? – спросил отец.

– Простился, – вздохнул Славик.

– Что, уже и ехать расхотелось?

– Нет, что ты! – испугался Славик. – Это я просто так...

Наконец все сели за стол, отец открыл шампанское, разлил по фужерам и шутливо сказал:

– Тостов сегодня не будет.

– Ну вот, – забеспокоилась было мать, но отец мягко перебил ее:

– Подожди, Аня... Я к тому, что не хочу говорить громких напутствий. На месте жизнь покажет, что и как... Главное, Вячеслав Сергеевич, не суетись.

Тостом мать осталась недовольна и, когда уже выпили, добавила от себя:

– Заведутся деньги – не вздумай возомнить себя прожигателем жизни. И вообще, выработай для себя какой-то режим, тренируй внутреннюю дисциплину.

– Аня, – укоризненно покачал головой отец, – ну что ты ему, как ефрейтор солдату перед строем, инструкции даешь? Зачем?

Мать обиженно умолкла и ушла на кухню.

Все было хорошо знакомо Славiku, и чувствовал он себя счастливо, и даже задиристое Светкино «не задавайся» нисколько не омрачило его настроения. Он знал, что сейчас все очень хорошо относятся к нему, искренне желают добра, и сам был готов кого угодно отдарить этим же. Неожиданно заметив грустящую Лену, Славик подошел к ней с бокалом.

– Лена, почему вы такая... – Он не нашел определения, засмеялся и смущенно спросил: – Можно, я вас поцелую?

Конечно, ему все было можно в этот вечер, и он поцеловал Лену в мятно пахнущую щеку и горячо попросил:

– Передайте Борису, что я его сильно люблю.

Лена улыбнулась, от чего ее красивое лицо стало еще красивее, обхватила Славика за шею горячей рукой и тоже поцеловала и ласково пообещала:

– Я обязательно передам.

– Славка, а меня? – капризно топнула ногой Светлана.

Он поцеловал Светлану.

– А Варю?

С той же легкостью Славик склонился над Варей, скользнул губами по ее щеке и словно бы обжегся – так горяча и напряжена была эта щека. Он было смутился чего-то, но тут увидел мать, поцеловал ее, потом отца и растерянно огляделся, как бы ища, кого еще расцеловать. Все это заметили, добродушно засмеялись, и лишь Светлана не упустила случая съязвить:

– Там еще Дамка осталась.

И когда, услышав свое имя, потягиваясь и зевая, в комнату лениво вошла Дамка, смех уже грянул настоящий, на всю комнату. И Славик, легко переходя от грусти к общему веселью, схватил Дамку за передние лапы, поднял и поцеловал в черный холодный нос.

После чая Славик вышел на балкон, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух и увидел, что восточная часть небосвода начинает приметно глазу сереть, и что звезды стали словно бы больше и ярче, и легонько шелестят тополиные листья от занимающегося к утру верховика. Тишина и покой были разлиты по предутреннему городу, и светлая грусть переполнила Славика. В ней было все, в этой грусти: предстоящее прощание с городом, домом, встречи с новыми людьми, память о старых знакомых, мечта о ком-то и о чем-то... В ней была вся минувшая и вся будущая жизнь Славика.

Он не заметил, как пришли на балкон Светлана и Варя, чем-то возбужденные, прервавшие разговор на полуслове. Светлана тут же вернулась в комнату, а Варя напряженно замерла за спиной у Славика.

– Вы теплоходом уезжаете? – робко спросила Варя.

Славик оглянулся, обрадовался Варе и, широко улыбнувшись, кивнул:

– Да.

– Вас будут провожать? – Варя прислонилась спиной к стене и спрятала руки. Была она маленькая, худенькая, смотрела исподлобья, из-под короткой черной челочки.

– Будут, – радостно ответил Славик и вспомнил при этом Надечку Дулину, ее ямочки на щеках и зеленые глаза.

– А мне можно будет прийти? – Варя опустила голову и уточнила: – со Светланой?

– Конечно! Обязательно приходите. Знаете, я очень люблю путешествовать на теплоходе. Может быть, мне нужно было стать капитаном. В детстве я об этом мечтал. Ну да теперь все равно – выбор сделан... Я люблю свою работу... – Он немного замаялся и добавил: – Будущую... Какая хорошая ночь, правда? словно специально для меня ее придумали. А я ведь на Амур сегодня ходил. Знаете, такая темная-темная вода, и в ней раскачивается круглая луна. Белая, огромная, и от нее от берега и до другого берега – лунная дорожка. Смешно, но мне так хотелось пройти по этой дорожке. Взять и шагнуть на нее и – не провалиться...

Варя слушала и молчала, и молчал весь мир, таинственно окружавший их в эту минуту.

– Сейчас мне, Варя, вот как хорошо! – удивился сам себе Славик. – И все вокруг хорошо, и вы очень хорошая... Но мне почему-то кажется, что завтра будет еще лучше, в сто раз лучше! Почему это, а? Наверное, – задумался вдруг Славик, – каждый человек ждет от завтра больше, чем есть у него сегодня. Вначале я мечтал поскорее закончить десять классов, потом – институт, сейчас хочу быстрее начать работу, а что же потом? Да, что же потом? Неужели все? – Славик вопросительно посмотрел на Варю, потом неожиданно засмеялся и весело сказал: – А потом – будет суп с котом...

Варя все так же неподвижно стояла у стены и лишь изредка бросала на Славика выжидающий взгляд. В свете луны она казалась особенно смуглой, и глаза взволнованно сияли на ее лице.

– Дети, пора спать, – на балконе появилась Светлана. Она что-то быстро шепнула Варе, засмеялась, тряхнула короткой стрижкой, крунулась на пятке, словно на каблуке, и чуть ли не силой утащила Варю в комнату.

– Коза, – восхищенно пробормотал Славик, навалился грудью на перила и еще долго слушал, как осторожно шелестят тополиные листья под ним. А на востоке все ширилась полоска рассвета, и куда-то в дальний угол отступала эта чудесная ночь, и новый день занимался в той стороне.

II

Теплоход отходил в одиннадцать часов утра. Но уже в десять на дебаркадере было не протолкнуться от провожающих, плотно и дружно опекавших своих родных и знакомых, собравшихся в общем-то не в такое уж далекое путешествие. Шум, смех, перебранка, слезы – все это смешалось, и в первые минуты новичку было не понять, чего хотят, о чем пекутся люди, зачем весь этот шум и хаос голосов. Но уже вскоре можно было определить среди отъезжающих какие-то общие приметы, заметно отличающие пассажиров ото всех остальных людей. Были это люди в основном добротные, ладно скроенные, но с неожиданной поспешностью в движениях и речах. И если попадался среди них захудалый мужичонка, так и тот норовил каким-то особым кренделем вывернуть жидковатые ноги, выпятить узко сшитую ребрами грудь, умудряясь при этом не потерять степенности, которая, словно тайная мета, была здесь в особом почете. Но редкий человек через пять минут не догадался бы, что это за люди и куда они едут. Разве только этот человек сам никогда и никуда севернее Северного микрорайона не уезжал – тогда другое дело.

- Вовка, братуха, в долгу не останусь!
- С путины закачусь в Ялтиммишко. Хошь, тебя прихвачу?
- Много не обещаю, но воротник будет...
- Ты мне капроновые, капроновые сети достань!
- Сгинь, дерьмо! Работать надо...
- Я в лимане третий год промышляю. Нич-чего, важно!
- Устроюсь – спишемся. Ежели чего – я тебе телеграмму...
- И не пей, не пей хоть там-то, паразит! Перед новыми людьми не позорься.

*А я еду, а я еду за деньгами,
За деньгами на машину «Жигули»...*

Славик, вначале было решительно врезавшийся в эту разношерстную толпу, несколько раз ушибся о тяжелые плечи, сбавил прыть и теперь с трудом прокладывал путь к трапу. Он невольно кого-то задевал, даже толкал легонько, то и дело извинялся, но на толчки и извинения в равной степени никто не обращал внимания. Следом за ним, испуганные и растерянные, пробирались девочки. Даже Светлана, ничего в жизни не боявшаяся, теперь притихла и лишь старалась не отстать, не потеряться в этой удивительной толпе. Но вот и трап, еще один трап – на верхнюю палубу, и наконец-то можно передохнуть.

– Ну и дядечки, – Светлана передернула плечами, – убиться можно. Варя, посмотри, у меня пуговицы не поотлетали?

- Нет.
- Слава богу... А еще Анна Ивановна с нами хотела поехать.

Славик улыбнулся: так Светлана называла мать. Впрочем, он и сам был рад, что мать удалось уговорить не провожать его на теплоход. Зачем? Толчая, суматоха, и потом, ведь должна прийти Надечка Дулина. Нет, все очень и очень хорошо складывается, теперь только устроиться в каюте и бежать встречать Надечку. Ведь это просто с ума сойти, какие у нее зеленые и узкие глаза.

С каютой все устроилось быстро и хорошо. Опустив жалюзи и оконную раму, Славик усадил девочек на диван, а сам побежал встречать ту, чьи ямочки на щеках, казалось, только для того и существовали, чтобы он мог любоваться ими. Сильно и ровно простучали его туфли по металлическим ступенькам трапа, холодно отдались по железной палубе дебаркадера, и вот он уже на берегу, на плавно выгнутой набережной. И кто бы мог подумать – Надечка Дулина сто-

яла на этой прекрасной набережной с букетом цветов. Ее зеленые глаза распахнулись навстречу Славику, жестко зашуршала бардовая кожаная юбка, и Надечка побежала к нему. Нет, это надо было видеть: как она бежит, как смотрит на него, как улыбается! Славик все это увидел и, вместо того чтобы броситься навстречу, неожиданно засмутился, растерянно улыбнулся и неловко принял букет.

– Я не опоздала, Славик?

– Нет, что ты! – Славик посмотрел на часы. – Еще двадцать пять минут осталось...

– Ты ведь знаешь, я всюду опаздываю.

– Это ничего.

– Почему ты вчера ушел?

– Я?.. Видишь ли...

– Я ведь только один танец станцевала с тем офицером, а потом смотрю – тебя уже нет.

– Пустяки, Надя. Идем в каюту...

– Жалко, вечер пропал.

– Пустяки, – упрямо повторил Славик и смутился.

– Пустяки? – Надечка Дулина задержала шаг. – Для тебя это пустяки?

– Я не то хотел сказать, – напугался Славик, – пустяки, что... В общем, очень хорошо, что ты пришла. Там Света и Варя. Ждут нас.

– Варя... Кто это?

– Подруга Светланы. Очень хорошая девочка.

– Вот как! – зеленый мрак покрыл сузившиеся глаза Надечки Дулиной.

В это время кто-то тронул Славика за руку, он оглянулся и увидел перед собой довольно странное существо. Маленький мужичок с жидкой бородкой и жирно оплывшими подглазьями, в немыслимо замызанной куртке и красной кепочке набекрень стоял перед ним.

– Уежашь? – деловито спросил мужичок. – Дамочка под кренделем, а тут хоть подыхай.

– О чем это вы? – удивился Славик.

– Рупь дай. На Север благословлю. Без этого – крышка! И крендель вывернут...

Надечка Дулина проворно открыла сумочку и протянула мужичку рубль.

– Вот это хорошо, – удовлетворенно кивнул мужичок, – а ты – не пижонь! Север таких не примат. И цветы выбрось, это говорю тебе я, Митька Бочкин. Север цветы не уважат. – С этими словами мужичок шмыгнул носом и пропал, затерялся в раскачивающейся толпе.

Славик пожал плечами и не очень уверенно потянул Надечку Дулину на теплоход...

Дверь каюты приоткрылась, и мужчина в берете неуверенно спросил:

– Это шестая каюта?

– Да, – без удовольствия ответил Славик.

– Значит, дома. – Чувствовалось, что мужчине неловко. – Вы не беспокойтесь, я только чемодан поставлю.

Славик с нетерпением смотрел на мужчину и досадовал, что он так долго ставит красненький чемоданчик, поворачивается, выходит. Наконец – вышел...

По теплоходу объявили, чтобы провожающие сошли на берег. Девочки, как по команде, вскочили и начали поспешно прощаться. Светлана чмокнула Славика в щеку, чему-то засмеялась, а Варя осторожно и сдержанно протянула руку.

– Я сразу же напишу, – торопливо пообещал он.

– Мне тоже? – лукаво спросила Надечка Дулина, как только девочки выскочили из каюты.

Конечно же, он уверил Надечку, что ей-то напишет в первую очередь и не просто письмо, а целый рассказ о своей новой жизни. Он так увлекся этими заверениями, что Надечка Дулина встревожилась и шутливо сказала:

– Пора для поцелуев проходит...

Славик растерялся: к поцелуям он не готовился. Тогда Надечка Дулина приподнялась на носках и сама поцеловала его. Надечка поцеловала его еще раз и тихо засмеялась, и Славик, быстро взглянув в ее неожиданно весело смеющиеся глаза, впервые понял, что Надечка Дулина старше его. Шесть лет он этого не замечал.

– Пора для поцелуев прошла. – Надечка Дулина изящно коснулась прически, самую малость передернула юбочку слева направо, улыбнулась ему и легко пошла к выходу...

Она почти сразу потерялась в толпе провожающих, ее затерли, оттеснили, как затирает и оттесняет в ледоход громадными ледяными полями более мелкие льдины. Но кто поразил Славика, так это мужичок в красной кепке по имени Митька Бочкин. Он стоял на дебаркадере и сумрачно смотрел на подрагивающую палубу теплохода, и толпа чудом обтекала его, не смяв и не раздавив. В какой-то момент Славик поймал его взгляд, сделал было рукой движение, но взгляд у мужичка был незнающим и жестким.

А между тем теплоход начал медленно отпячиваться от дебаркадера, в машинном отделении то и дело слышались пронзительные звонки, и наконец с капитанского мостика хрипло сказали в мегафон: «Отдать носовой». Носовой отдали, он тяжело ухнул в воду и толстой упругой змеей накрутился на барабан.

– Степка! Зар-раза, от мешков ни шагу! – надрывалась маленькая женщина с крохотным узелком волос на затылке, на что Степка, сам чем-то похожий на мешок, равнодушным басом отвечал с нижней палубы:

– Не ори вот. Сам, поди, знаю...

Чувствовалось, что он и в самом деле о мешках что-то знает.

Корма теплохода уже встала поперек течения, тугие струи воды ударили в нее, ускоряя разворот, начал отходить от дебаркадера и нос, и в это время Митька Бочкин, мужичок в красной кепочке, удивительно ловко перемахнул на палубу теплохода, пролетев по воздуху метра полтора. Кто-то испуганно вскрикнул, кто-то заругался, вахтенный матрос побежал к Митьке Бочкину, но того и след прстыл.

Славик, совсем было собравшийся уходить, вдруг заметил Надечку Дулину на набережной. Он обрадовался, замахал рукой, принялся что-то кричать и впервые пожалел о том, что в самый разгар лета, в июле, теплоход увозит его из родного города. Увозит мимо пляжа, разморенных солнцем людей, мимо утеса, стадиона и окраинных неказистых домишек.

III

Второй день проплывают за бортом теплохода крутые берега. За это время горы явно подросли, подступили ближе, тесня Амур, заставляя его бросаться от одной сопки к другой, бурлить и неистовствовать под скалами. Все реже попадались деревеньки, и все загадочнее были их имена. Верхний Нерген, Нижнетамбовское, Циммермановка, Софийск, Санники... Деревеньки все больше стояли на высоком правом берегу, ютились по склонам сопок, под самым боком тайги, и в каждой из них по очереди Славiku хотелось пожить. Сойти с теплохода, постучать в ближний к реке домик и попросить приюта. Почему-то казалось ему, что живут здесь люди непременно отзывчивые, живут интересной жизнью и легко примут его. С любопытством наблюдал он, как встречают и провожают теплоход, как грузят какие-то мешки и выгружают какие-то ящики. Все это в спешке, в сумятице, но весело и деловито. Но особенно любил он наблюдать за лодками, которые подолгу провожали теплоход. С удивительной хищной скоростью, высоко взметнув над водою нос, неслись они по Амуру, и парни в прорезиненных штормовках весело улыбались пассажирам. И в скорости, и в самих парнях было что-то удалое, бесшабашное, что раз и навсегда покорило Славика. А однажды, перед самым закатом, одна из таких лодок, легко обогнав теплоход, полетела алой солнечной дорожкой и скрылась так скоро, словно бы закат вобрал ее в себя...

Сосед Славика, человек уже изрядно поживший и ехавший теперь на Анненские воды поправить здоровье, с любопытством наблюдал за ним.

– Вы, наверное, впервые в этих краях? – наконец спросил он.

– Да, – Славик смутился, потому что все время чувствовал неловкость перед этим человеком. Со стыдом он вспоминал о своей минутной неприязни к нему.

– То-то я смотрю на вас – на месте не сидится, – сосед улыбнулся и кивнул в открытое окно, – вот и я в первый раз так же суетился. Все мне увидеть хотелось, все запомнить. А посмотреть здесь есть на что. Вас как зовут?

– Славик.

– Ну а я – Федор Лукич. Будем знакомы.

– Я и вообще на теплоходе впервые, – признался Славик, – на таком вот большом. На реке родился и вырос, а все как-то не получалось.

– Ничего, – успокоил Федор Лукич, – дело это наживное. Может еще и надоесть.

– Что Вы! – испугался Славик. – Мне не надоест. Я себя знаю. Раз теперь понравилось, то уже никогда не надоест.

Федор Лукич улыбнулся и понимающе покивал.

А сумерки сгущались, и не хотелось зажигать свет. В сумерках горы казались еще величественнее и ближе, и над самыми их вершинами тихо мерцали первые звезды. Славик неожиданно загрустил. Память упрямо возвращала его в прошлое, и чем дальше уходил теплоход от Хабаровска, тем дороже и ближе казалось ему все, что было связано с домом.

Он не мог долго сидеть в каюте, выходил на палубу и подолгу простаивал на корме, задумчиво наблюдая, как кипит и взрывается вода от винта. И там, в этих водяных взрывах, ему виделось лицо Надечки Дулиной, ее прощальная улыбка и легкое ожидание в глазах. Ожидание – чего? Этого он не знал...

– И далеко вы держите путь? – спросил Федор Лукич.

– В Леденево, – с легкой готовностью ответил Славик.

– Далекo, – улыбнулся Федор Лукич, – мне в тех местах приходилось бывать.

– Вы были в Леденево? – удивился Славик. – И как там? Что это за поселок? Большой?

– Ну, во-первых, это не поселок, а село. Небольшое. Дворов на сто пятьдесят. Клуб, больница, две конторы – вот, пожалуй, и все примечательности. Правда, стоит село в очень хорошем месте, на берегу горной речки. Впрочем, завтра вы все это сами увидите.

– Завтра, – мечтательно повторил Славик.

– А вы, извиняюсь, по каким делам туда? – поинтересовался Федор Лукич.

– Работать... Меня направили в Леденево работать. После института.

– Вон оно что, – Федор Лукич непонятно усмехнулся. – И кем же?

– Я окончил медицинский институт, – не без гордости сообщил Славик. – У нас в семье все медики. Отец, мама, старший брат, а теперь учится на третьем курсе сестра.

– Значит, династия врачей? Это хорошо.

– Конечно! – подхватил Славик. – Мы когда все вместе собираемся, знаете какие у нас споры? До утра... И всем интересно, все друг друга понимают.

– Это хорошо, – задумчиво повторил Федор Лукич и неожиданно предложил: – Пойдемте в ресторан, что-то я проголодался, а мне скоро сходить...

Через два часа теплоход ошвартовался у пристани Сусанино, и Славик проводил Федора Лукича. Он помог ему вынести чемодан, потом смотрел, как Федор Лукич садится в автобус, потом долго махал рукой на прощание, пока маленький синий автобус не скрылся за поворотом.

«Хороший человек, – думал Славик, поднимаясь по трапу на теплоход. – Бывает же так, что тебе все время попадаются замечательные люди. А ведь мы могли оказаться в разных каютах, и я бы никогда не узнал, что есть на земле Федор Лукич, очень хороший, замечательный человек. Как много все-таки зависит от случая».

И еще долго размышлял Славик Сергеев примерно в таком же духе, мечтательно наблюдая, как клонится солнце долу и непривычной прохладой наносит от реки, по которой легко и стремительно уходил теплоход к самым низовьям Амура.

I

V

Вылет самолета долго задерживали. Пассажиры, давно уставшие от толчеи и нервозности на аэровокзале, торопливо и весело занявшие места в салоне, постепенно начали раздражаться, с нетерпением глядя в круглые иллюминаторы. И вот наконец-то к самолету подкатил грузовик, из него выскочили трое рослых парней, сгрузили необыкновенно объемистые рюкзаки, шумно ввалились в салон, и почти сразу же включился двигатель на левом крыле.

«Авиация, – с усталой иронией подумала Лена, – на уровне шоссейной попутки».

Один из парней уверенно прошел в кабину к пилотам, после чего заработал двигатель на правом крыле, и Лена машинально отметила эту случайную связь.

Половина кресел в салоне пустовала, а между тем люди с билетами на руках остались в аэровокзале.

«И уж не из-за этих ли субчиков? – неприязненно думала Лена. – Какая-то частная лавочка получается, честное слово. Захотели – не взяли пассажиров с билетами, захотели – задержали самолет на добрых полчаса. Кошмар какой-то!»

Но стоило самолету оторваться от бетонной полосы и плавно набрать высоту, как Лена успокоилась, с любопытством наблюдая давно знакомый, но все еще немного непривычный мир за иллюминатором. И лишь одна навязчивая мысль беспокоила ее в самом краешке сознания – почему парень не выходит из кабины пилотов? Она пыталась отогнать эту навязчивую мысль и не могла.

«Ведь там нельзя находиться посторонним. Гос-споди, но мне-то какое дело до этого? Значит, они не посторонние. Но ведь, наверное, все равно мешает, а его не просят выйти. Да пусть он там хоть ночует! Но там ведь лишних кресел нет. Значит, он стоит, значит, мешает? Почему же его не выгонят?»

И в это время парень вышел из кабины пилотов. Мягко прикрыв дверь, он быстро окинул взглядом салон и неожиданно встретился с вопросительно-раздраженным взглядом Лены.

«Милиционер», – решила Лена, но тут же отказалась от этой мысли, потому что парень менее всего походил на милиционера.

Парень улыбнулся ей и медленно пошел по проходу, непроизвольно трогая спинки кресел рукой.

«Ну вот, сейчас усядется рядом, – заранее негодуя, подумала Лена. – Этого только не хватало». Она быстро отвернулась к иллюминатору, напряглась, готовая к самому ожесточенному отпору, но парень прошел мимо. Лена лишь почувствовала, как его рука коснулась и ее кресла. И вот это прикосновение почему-то обидело ее. Получалось так, что он прошел мимо нее, как мимо пустого кресла, и потому равнодушно коснулся его, как касался всех остальных. Значит, он совершенно не заметил ее?

Через пять минут она уже едва сдерживала желание оглянуться и посмотреть, чем занимают эти странные парни, где сидят и как сидят. Лена понимала, что желание это совершенно глупое, что его никаким образом не должно быть у нее, что, наконец, это стыдно и дико, но вот же – от этого желание оглянуться становилось лишь сильнее. Тогда она закрыла глаза и попыталась задремать: ей всегда хорошо спалось в самолетах. Но не тут-то было: парень тотчас встал перед нею так зримо, словно бы вновь только что вышел из кабины пилотов. В темном джинсовом костюме, с приятной улыбкой и внимательно-настороженным выражением глаз.

«Идиотка, – не на шутку встревожилась Лена, – дрянная, взбалмошная бабенка. Какое счастье, что этого никто не видит и не знает, о чем ты думаешь, возвращаясь к мужу после недельной командировки. Нет, это подумать только: какой-то случайный попутчик изволил на нее взглянуть, и она... А если он пальчиком поманит – побежишь?

Чуть позже Лена уже с раздражением удивлялась тому, что так много и упорно думает об этом, что придала какое-то фантастическое значение совершеннейшему пустяку. Ну, взглянул на нее парень, есть что-то особенное в этом парне, так что с того? Хочется посмотреть? Так посмотри, бога ради...

Лена медленно приподнялась, поправила свою сумку на полке и... посмотрела. Парни сидели в самом конце салона и о чем-то оживленно говорили. И секунды не потребовалось ей на то, чтобы взглянуть на них, а парень успел-таки перехватить ее взгляд и даже опять улыбнуться – успел.

Лена села в кресло и почувствовала усталость. Словно то, с чем она долго и упорно боролась, случилось уже, и ей ничего не оставалось, как смириться и ждать, что из этого выйдет...

Из самолета она выходила последней. Легко сбежав по трапу, Лена сразу же заметила машину «Скорой помощи» и Бориса, торопливо шагавшего ей навстречу. Пожалуй, чуть поспешнее, чем следовало бы, она направилась к нему, поцеловала, отдала портфель и сумку и все с той же нервной торопливостью сказала:

- Ну вот я и дома.
- Соскучилась? – сдержанно улыбнулся Борис.
- Очень...
- Дома все нормально. Вика в садике.
- Надо было забрать ее.
- Я сюда прямо с приема.
- Тогда заедем и заберем сейчас.
- Хорошо.

Лена села в кабину к шоферу. Машина развернулась, и на развороте она вдруг увидела парней. Они стояли возле своих огромных рюкзаков и смотрели на спускающийся по трапу экипаж самолета.

V

Вечером пришел Виктор Щербунько. Был он необыкновенно тих и задумчив. На правах друга семьи поцеловал Лену и молча сел на диван.

– Виктор, а где же Люба? – удивленно спросила Лена.

Щербунько поморщился и ничего не ответил. Борис пытался что-то объяснить ей знаками, но Лена ничего не поняла и переспросила:

– Ты почему без Любы?

– Она ушла, – неохотно ответил Щербунько.

– Куда?

– Тебе разве Борис не говорил? – Щербунько с недоумением посмотрел на нее.

– Да, Леночка, – вступил в разговор Борис, – я совершенно забыл... Видишь ли, Люба ушла от Виктора, совсем ушла... Понимаешь?

– Да, конечно, – ответила Лена, – я понимаю... Извини, Виктор.

– Ну что ты, – усмехнулся Щербунько, – это вы извините, что лезу к вам со своими... – он искал подходящее слово и насмешливо закончил: – болячками. У каждого своих хватает. Ведь хватает, Лена?

– Наверное, я не знаю...

– Хватает, Леночка, хватает у всех и каждого.

– Сейчас я стол накрою и будем ужинать – потерпите немного.

Лена ушла на кухню. Здесь Вика обратной стороной ложки что-то рисовала в тарелке с манной кашей.

– Мама, ты долго на большую росла? – серьезно спросила Вика.

– Что такое? – удивилась Лена.

– Ты долго росла, пока большой стала? – Вика внимательно смотрела на нее.

– Вон оно что, – Лена засмеялась и поцеловала дочку в белокурую голову. – Долго, Вика. Очень долго. А вот кто же это тебя рисовать по каше ложкой научил? Нехорошо. Такие дети никогда большими не становятся...

– Почему?

– Не становятся, и все!

– А дядя Витя стал большой...

– Ну вот что, Вика-Дрика, пора тебе и спать укладываться. Сама дорогу найдешь или тебя проводить?

– Проводить, – сразу же соскучилась Вика.

– Пойдем...

– Поставил бы ты музыку, Борис. Тихонько этак, – попросил Щербунько. – Шумана, а? Для фортепиано. Хочется романтичности. Почитать Стендаля и послушать Шумана... Знаешь, я сегодня мужика с опухолью в краевую отправил... Фронтовик. Всю войну прошел, демобилизовался из Праги, а тут... Обидно. Мужик-то хороший. Молчал все. А я его не стал обманывать, зачем? Он такие обманы за свою жизнь прошел, что его и пожелай – не обманешь. Сегодня отправил... Болезнь века, черт ее дери! – Виктор Щербунько поморщился и негромко продолжил: – Перед самым отъездом этот Герман Васильевич говорит мне: «Знаете, на фронте умирать было не так страшно – знали за что. А теперь вот я не знаю, и потому меня зло берет...» Хороший он человек, умный, а медицина перед ним как бы дура...

– Ну, мальчики, за стол!

Забыв, что Лена не слышала их разговор, Борис бодро сказал Щербунько:

– Ничего, Витя, когда-нибудь мы и до него доберемся... Наука на месте не стоит.

Лена с удивлением посмотрела на Бориса. Щербунько перехватил ее взгляд и пояснил:
– Мы без тебя о проблемах медицины разговорились... Наука... Впрочем, эта дама вполне заслуживает уважения...

За полночь лежали в постели.. Обоим не спалось. Борис спросил:

– Хорошо в Хабаровске?

– Хорошо, – равнодушно ответила Лена.

– Пляж, наверное, битком?

– Как всегда в это время...

– А я вот еще и не купался нынешним летом. Хоть бы на курсы какие меня послали, что ли.

– Зачем тебе это? – Лена повернулась к Борису.

– Соскучился. По Хабаровску соскучился, Лена. По родным. Славку хотелось повидать. И что его в такую даль упекли? Мог бы отец-то побеспокоиться...

– Ну что ты! – засмеялась Лена. – Он страшно доволен. Ты бы только видел, как он нас всех перецеловал.

Борис вздохнул и прикрыл глаза.

Ночь была тихой, лунной, и лишь из Дворца культуры, что стоял высоко на сопке, разливался над городом неоновый свет.

V

I

Виктор Щербунько ничем не был похож на тех людей, которых принято называть баловнями судьбы. Он родился и полтора года прожил на юге страны. На том юге, куда через полтора года после его рождения пришли немцы. Он не помнил эвакуацию, бомбежки и голодовку. Все это не отложилось в его памяти, не застыло перед глазами мертвыми и страшными картинками, а жило в том уголке сознания, который дает нам неосознанное чувство страха, ненависти или любви. Отца он потерял в первые же месяцы войны, и эта утрата, казалось, тоже осталась в его подсознании еще с той поры.

В двенадцать лет он уже знал, что такое волок, лучковая пила и два кубометра древесины сверх плана. Мать, положившая все силы и молодость на его воспитание, однако же была строга с ним, а порой и сурова. Она искренне верила в полезность физического труда и в конечном счете оказалась права. Виктор прилично закончил десятилетку, проработал год в леспромхозе и ушел служить в армию. С выбором профессии он не спешил, не торопила его и мать. Она считала, что к хорошим рукам дело всегда приладится, а не наоборот.

Сразу после армии Виктор Щербунько влюбился. Ему шел двадцать второй год, ей – тридцать первый. С самого начала все в этой любви было случайным, чего Виктор, разумеется, не замечал. Начать с того, что они совершенно случайно оказались рядом за столом на свадьбе. Потом как-то так получилось, что он пошел ее проводить, а ночь была хоть и морозной, но с лунной, яркими звездами и тихим похрустыванием первого снега под ногами. А Виктору Щербунько двадцать один год и за плечами служба на полуострове без девчат... Пили чай, женщина жаловалась на одиночество, Виктор ее жалел, хотя вслух об этом не говорил. Потом наступила минута, когда надо было уходить. У порога, подавая шарф, женщина случайно коснулась его руки, и это все решило.

Женщину звали Мариной и она работала фельдшером сельского медпункта. При устройстве своей личной жизни она дважды вытягивала не тот билетик, и уже не могла и не хотела рисковать в третий. Теперь она была более терпеливой и разборчивой в ожидании своей очереди на третий билетик. Но Виктор ничего этого не знал, ни о каких билетиках не догадывался и влюбился по-настоящему. Он опять работал на лесозаготовках и уже вступил в ту жизненную пору, когда случайные встречи с любимой женщиной начинают не удовлетворять. Он хотел постоянства в любви и чтобы все знали о ней. Когда Марина догадалась об этом,

она серьезно обеспокоилась, но вида не подала. Неудачи личной жизни не прошли для нее бесследно, и поэтому она начала легонько отстраняться от Виктора. Менее всего ее пугала разница в возрасте, гораздо больше она боялась и не доверяла восторженной любви Виктора Щербунько. Марина полагала, что жаркие костры хоть и ярко горят, но уж больно быстро прогорают... Заметив холодок отчуждения в Марине, не сумев в нем как следует разобраться, Виктор Щербунько взбунтовался и наделал много глупостей. Так, он на целый месяц напросился в командировку, наивно считая, что этим наказывает Марину и дает ей понять всю силу своего характера. Возможно, что кто-то другой и оценил бы по достоинству этот самоотверженный поступок, но только не Марина. Она все поняла и сделала тот единственный вывод, что надо поспешить. Такое решение пришло к ней еще и потому, что за этот месяц она имела возможность вполне оценить степень своего чувства к Виктору Щербунько. По ее понятиям степень эта была значительно выше нормы. И тут появился в леспромхозе новый инженер по технике безопасности. Холостой. Судьба щедро предоставляла Марине возможность вытянуть третий билетик. И она его вытянула.

Удар был жестокий. Он крепко согнул Виктора Щербунько, но он же и открыл ему глаза на многие вещи, которых Виктор ранее не замечал. Так Виктор пришел к анализу и поразился тому, как много ошибок он наделал. Марина любила классическую музыку, он же мало что в ней смыслил и самодовольно полагал, что ничего от этого не теряет. Марина зачитывалась французскими романами, он же гордился тем, что вместо «много» говорит «димно» и сильно подворачивает голенища сапог. Марина восхищалась репродукциями картин из Эрмитажа, а он мечтал самолично завалить медведя... Из всего этого он сделал малоутешительный вывод, что любовь Марины надо завоевывать учением. Вывод, сильно изменивший его жизнь в дальнейшем, но очень и очень далекий от истины.

Вторую половину зимы Виктор готовился к поступлению в институт и слушал все концерты классической музыки, которые транслировали по радио. В самом начале лета он уже мог отличить Эдварда Грига от Петра Ильича Чайковского, а «Болеро» Равеля занес в список любимых произведений. Выбор института перед Виктором не стоял: Марина посвятила свою жизнь медицине, и этого примера для Щербунько было более чем достаточно.

После первого года обучения Виктор Щербунько думал, что о медицине знает уже все. Это мнение основывалось у него на кипе прочитанных книг и двух-трех операциях, при которых он присутствовал почти случайно, в роли медицинского грузчика, и посещения анатомички, оставившей в нем тяжелое чувство крайней уязвимости человека и смутную тревогу.

Во время летних каникул он так тщательно продумал свои прогулки по селу, что однажды «совершенно случайно» встретился с Мариной. В самом начале встречи он вел себя чуть-чуть заносчиво и говорил на медицинские темы. Но так как его мнение о своих познаниях в медицине и истинные познания имели весьма серьезное расхождение, Виктор Щербунько очень скоро перешел на более прозаические темы, чем и порадовал Марину. К тому времени Марина уже твердо знала, что билетик наконец-то вытянут счастливо, и рисковать не хотела. Очень осторожно и тактично она дала понять это Виктору Щербунько, стараясь внушить ему мысль о необходимости пользоваться несколько иными маршрутами по селу. Однако Виктор Щербунько ничего этого не понял и был страшно удивлен и обескуражен, когда однажды рядом с Мариной обнаружил странное существо, бережно и решительно поддерживающее ее под руку. Это был новый удар, но, как и первый, он пошел Виктору на пользу. К третьему курсу Виктор Щербунько стал ленинским стипендиатом. Второй раз в жизни он решил наказать Марину и на летние каникулы домой не поехал. Однако из письма матери вскоре узнал, что его удар Марина перенесла легко и этим же летом родила сына. От этого известия Виктор Щербунько приходил в себя долго.

Медицина давалась ему легко и особенно – хирургия. У него было острое чутье, в меру развитая интуиция и трезвый ум. Но к шестому курсу Виктор Щербунько с ужасом обнаружил,

что почти ничего не смыслит в медицине. Были какие-то общие познания, которые никак не складывались в стройную картину. Виктора залихорадило. Узнав об этом, профессор Сергеев предложил ему аспирантуру. Щербунько смутился: он считал, что это «козни» Бориса Сергеева, с которым к тому времени серьезно дружил. Лишь значительно позже выяснилось, что Борис и сам был бы не против остаться в аспирантуре, но отец ему этого не предложил.

Все это были очень серьезные вопросы, а тут еще пришло известие о появлении второго сына у Марины. Это уже была могила, в которую хочешь не хочешь, следовало похоронить свои надежды, связанные с Мариной. Чтобы холмик, памятник, оградка – все как полагается. И Виктор Щербунько совершил этот печальный обряд, в полном одиночестве выполнив весь похоронный ритуал...

Ему было двадцать восемь лет. Семь из них он отдал женщине, разбирающейся в музыке и читающей французские романы. Подвиг этот никем, тем более Мариной, не был в должной мере оценен, и Виктор Щербунько тихо затаился против лучшей половины человечества. Но для очень и очень сильной обиды на женщин он был еще довольно-таки молод, а посему через некоторое время в нем и созрел внутренний компромисс: отомстить одной женщине с помощью – другой. Что и говорить, решение это особой оригинальностью не отличалось, но, видимо, для Виктора Щербунько было необходимым.

Казалось, Виктор Щербунько в будущей своей Женщине должен был искать неоспоримые приметы Марины: ее привычки, манеру говорить, разбираться в музыке, улыбаться. Но Люба Дикина, студентка-выпускница фармацевтического факультета, была полной противоположностью Марине. Симпатичное существо, в меру пухленькое, равнодушно-усталое, немного читавшее, немного разбиравшееся в кино, немного пострадавшее от жизни, а потому и немного в претензии к ней. Трудно сказать, каким из этих достоинств поразила Любочка Дикина воображение Виктора Щербунько, но когда он начал знакомить ее с товарищами, то уже представлял не иначе как невестой. Невеста при этом очень мило улыбалась, показывая маленькую трещинку на верхнем переднем зубе, и пыталась делать что-то вроде книксена. Товарищи Виктора нашли ее очаровательной и несколько странной девушкой.

Как и положено, на свадьбе много плясали и пели, произносили тосты за здоровье невесты и жениха, а отец Любочки Дикиной даже предложил выпить за нормализацию отношений с Китаем. Несколько омрачилась свадьба лишь тем, что домашней выпечки торт неожиданно оказался на полу. Долго выясняли и искали виновника, но не нашли. Всех успокоила Анна Ивановна, мать Любочки Дикиной, внезапно вспомнившая, что это именно она уронила злощастный торт. Георгий Матвеевич, отец Любочки Дикиной, очень охотно и проворно собрал торт в пластиковый совок. На этом с неприятностями было покончено.

После свадьбы жизнь Виктора Щербунько мало в чем изменилась, за исключением разве того, что он хорошо питался и начал интересоваться политикой. Конечно, интересовался он ею и раньше, но, может быть, самую малость, дилетантски: как и многие молодые люди, Виктор Щербунько совершенно четко и справедливо разделял мир на лагерь социализма и лагерь империализма, отдавал должное развивающимся странам, следил за негритянским движением и с надеждой выжидал последствий освободительной войны во Вьетнаме. Однако тесть очень скоро намекнул ему на политическую близорукость, так как Виктор Щербунько не знал, что шестой пленум ЦК КПК проходил в конце 1938 года, а массовый антивоенный митинг перед зданием ООН – осенью 1967-го, и весьма смутно представлял географическое расположение города Пешавар. Иногда из этих щекотливых ситуаций Виктора Щербунько выручала Анна Ивановна, иногда – Любочка. Но тесть, на удивление живой и подвижный человек, был цепок, как репей, и норовил перехватить Виктора в тот момент, когда он приносил воду из колонки или же заканчивал выгребать золу из печки.

Под напором политических ситуаций, домашнего троеборья (вода, дрова, помои), пристального внимания Любочки Дикиной образ далекой Марины стал постепенно стусеивы-

ваться в воображении Виктора Щербунько. А там приспели нешуточные изменения в жизни – диплом с отличием, свободный выбор места работы, объяснения по этому поводу с родителями Любочки и с самой Любочкой, переезд, квартира, и некогда дорогой образ стушевался в памяти Виктора Щербунько почти совершенно. Лишь иногда, слушая классическую музыку, Виктор грустил да изредка упрекал себя за то, что так и норовит порой вместо «много» сказать «димно».

Еще два года были отданы аспирантуре в Москве. К этому времени мало кому известный хирург Илизаров не только защитил новый метод наращивания кости, но и получил под свое начало институт. И где?! В Кургане! И Виктор Щербунько предпочел всем соблазнительным предложениям маленький городок с населением в тридцать пять тысяч человек. Профессора Сергеева это решение рассердило окончательно и он более слышать о Щербунько не хотел.

Вернувшись из Москвы, Виктор Щербунько не сразу разглядел те немаловажные превращения, которые случились с его женой. Любочка Дикина еще немного пополнела, похорошела и стала как-то очень уж странно растягивать слова. Нельзя сказать, чтобы это ей не шло, но было несколько удивительно при ее совершенно русском обличье. Решение Виктора Щербунько остаться в городке ее сильно удивило, если не сказать – шокировало. Но к тому моменту уже совсем немного времени оставалось до того дня, когда Любочка Дикина решилась уйти от него.

V

II

Когда Виктор Щербунько пытался разобраться и понять, почему это случилось, он неизменно сталкивался с одним любопытным вопросом: когда это началось?

Два года они прожили в общем-то хорошо. Много бывали вместе, не утомляя друг друга, не испытывая желания развлечься на стороне, отдохнуть от семейной жизни. Любочка Дикина оказалась хорошей хозяйкой, с удовольствием возилась на кухне, а он с удовольствием помогал ей. Очень быстро, непостижимым для Виктора Щербунько образом, они обзавелись вещами. Из этих приобретений Виктор особенно запомнил комод, который они везли на саночках из универмага домой. Была ранняя зимняя ночь, была высокая, яркая луна, он тянул саночки за веревку, а Любочка сзади придерживала комод, и они много смеялись, как только комод в очередной раз падал в сугроб. С этими вот саночками, с комодом и смехом их встретил Борис Сергеев. Комод, как первую серьезную покупку, обмыли. Уже перед уходом Борис шутливо спросил Щербунько:

– Ты что же, дружище, не мог машину в больнице взять? А если шифоньер купите – тоже на саночках?

Они представили, как бы это выглядело со стороны, и опять весело посмеялись. Любочка, хорошо слышавшая все это, не засмеялась. Ночью она спросила:

– Действительно, почему ты не взял на работе машину?

– Да ведь и так справились, – удивился Щербунько.

– Но ведь на нас было смешно смотреть.

– Почему?

– Хирург на саночках везет комод...

– Ну и что?

– Перестань! Как будто не понимаешь.

– А если будет везти на саночках анестезиолог, можно? – попытался отшутиться Виктор Щербунько.

Пустячный случай, слова доброго не стоит, если не учесть того, что на этот пустяк, казалось бы самый заурядный, они взглянули разными глазами.

Все остальные вещи приобретались и привозились уже без Виктора Щербунько. Не здесь ли начало? В этом пустяке? И если да – какая обида...

Его часто вызывали на работу по ночам. Любочка воспринимала это как должное, и все шло хорошо. Но вот он однажды возвращается домой поздно вечером после удачной операции. Он весел, возбужден, ему не спится.

- И с чего это мы такие веселые? – подозрительно спрашивает Любочка.
 - Понимаешь, привезли мужика с диагнозом на прободную язву желудка...
 - А я думала, – перебивает Любочка, – ты на концерте Райкина побывал.
- А это что? Ревность к работе? Вообще – ревность?

В День медицинского работника ему подарили часы. В докладе раза три упоминалась его фамилия. Это был первый год работы и первые выражения признательности за нее. Дома Любочка сказала:

- Часы куда, на стенку?
- Почему? – Щербунько засмеялся.
- Чтобы все видели – тебе подарили часы.

А это что?

После каждого такого выпада Щербунько обижался, однако вскоре забывал об этом. Но забывал ли? Он все реже рассказывал Любочке о своей работе, с приходом домой – замыкался, но во всем остальном оставался прежним. А возможно ли так?

- Витя, я купила тебе новую рубашку.
- Хорошо, спасибо.
- Ты не хочешь на нее взглянуть?
- Потом...

Ну а это что? Обратный отсчет обид?

Каким-то удивительным образом их интересы никогда не пересекались. Виктор Щербунько был равнодушен к кино, но страстно любил книги, и все наоборот было у Любочки. Он увлекался охотой и рыбалкой, Любочка предпочитала телевизор. Виктор хотел выжать из себя все для медицины, Любочка к своей работе относилась прохладно. В самом начале Виктор пробовал ходить в кино, а Любочка прочитала «Прощай оружие», но, кроме легкого взаимного раздражения, это им ничего не принесло. Говоря научным языком – контакта между ними не получилось.

Ссоры первых двух лет серьезно отличались от последующих. Основой первых, как правило, была обида. И чаще всего обида, причиненная случайно, что в конце концов взаимно понималось, и примирение наступало так же быстро, как и очередная легкая стычка. Затем наступил период затяжных размолвок. Но и этот период особых неприятностей им не принесил. Просто Виктор Щербунько дольше обычного задерживался в больнице, а Любочка Дикина раньше обычного ложилась спать. В разговоре между ними использовались слова: да, нет. Но из этих, казалось бы, безобидных размолвок родилось одно очень важное следствие, которое в конечном итоге и решило судьбу их отношений. Виктор Щербунько не знал и не мог знать, что размолвки переносят гораздо легче жены. Он просто с головой уходил в работу и вспоминал о ссоре, лишь возвратившись домой. Но и здесь он читал, готовился к аспирантуре, разбирал наиболее интересные операции, анализировал, занимался умственной диагностикой. Поэтому первый затяжной разрыв он выиграл без особого труда, никаких усилий на это не положив. Другое дело – Любочка. Эта ссора измотала и вымучила ее, ни о чем ином она и думать не могла, и, капитулировав на четвертый день, она ему этого не простила... Ничего подобного Виктор Щербунько не подозревал, и одна Любочкина капитуляция следовала за другой. Ни грамма гордости или самолюбия не было в том, что он не шел первым на примирение, просто Виктор Щербунько полагал, что так удобнее для Любочки: она идет на перемирие тогда, когда ей этого захочется. И даже более того, в этой ситуации он считал себя наиболее пострадавшей стороной, так как вынужден был играть пассивную роль.

Промежутки между ссорами отличались ровными отношениями, интересными вылазками за город, мелкими уступками друг другу и обилием планов на будущую, более счастливую и интересную жизнь. И здесь Виктор Щербунько, как старший, допускал новую непростительную ошибку: он совершенно упускал из вида, что планы должны подкрепляться действием, тем более – семейные планы. Попробуйте представить, что вам каждый день обещают подарить какую-нибудь соблазнительную штученцию, но все не дарят, все откладывают, и вы поймете то раздражение, которое постепенно копилось в Любочке Дикиной. Копилось, может быть, незаметно даже для нее самой.

А уже вплотную подходила та пора, когда продолжительные ссоры стали не удовлетворять, и только шаг оставался до жестокой необходимости – делать больно друг другу. И в это время обнаружилось, что Любочка Дикина ждет ребенка.

Два последующих месяца привели их в совершеннейшее заблуждение. Это были месяцы счастья, любви, прощения, покаяний, догадок и клятв. Виктор Щербунько великодушно отказывался от аспирантуры, Любочка Дикина уговаривала его не делать этого. Виктор Щербунько стал через день ходить в кино с супругой, Любочка Дикина – читать книги. Казалось, все у них утряслось, все пришло в давно ожидаемую норму семейных отношений. Но через два месяца случился ужасный скандал, в котором Любочка открылась Виктору Щербунько с совершенно неожиданной стороны. А все вышло из-за пустяка.

– Витя, кровать мы поставим сюда? – спросила вечером Любочка, сосредоточенно рассматривая комнату.

– Конечно, – невнимательно ответил он.

– Почему «конечно»?

– Но ведь ты ее хочешь поставить сюда?

– Пока я только советуюсь с тобой...

– Мне кажется, здесь ей самое место, – Виктор Щербунько и в самом деле одобрял выбор Любочки.

– А мне кажется, – Любочка остановилась напротив сидящего на диване Щербунько и побледнела, – тебе это все равно...

– Ты ошибаешься, Люба.

– Нет, тебе все равно!

– Господи, Люба, да ведь еще и кровати-то нет, – Щербунько через силу улыбнулся. – Мы как в том анекдоте, когда цыган отлупил сына за то, что тот хотел покататься на несуществующем жеребенке.

– Так тебе, значит, смешно? – голос Любочки задрожал. – Ты еще издеваться изволишь?

– Люба...

– Ты подло обманываешь меня. Ты... ты... постоянно думаешь о своей Марине...

Любочка заплакала, потом повалилась на диван, и закончилось все это дикой истерикой, которой Виктор Щербунько никак не ожидал, а потому растерялся и долго не мог сообразить, что надо делать.

Все это он мог бы тут же простить и забыть, если бы Любочка не затронула имя Марины. Это был недозволенный прием, который не могла оправдать даже расстроенная психика беременной женщины. Значительно позже Виктор Щербунько понял, что он с самого начала недооценил женскую интуицию, в порыве откровенности рассказав молодой жене о Марине в юмористических тонах и тем самым полагая, что скрывает истинное положение вещей... Конечно же, этого ему делать не стоило.

V

III

– Вот видите – я вас узнал.

– Лена испуганно подняла голову и, увидев парня из самолета, нелепо спросила:

– Да?

– Конечно! – Парень весело улыбнулся и протянул руку. – Володя.

Лена, ничего не понимая, машинально дала пожать свою руку и смущенно ответила:

– Лена.

– А я вас уже месяц ищу, – с обезоруживающей простотой сообщил парень, – с того самого дня.

Они стояли у прилавка магазина, куда Лена забежала после работы купить стиральный порошок, и теперь она с тревогой оглянулась, боясь встретить знакомых. Но, кроме двух старушек, оживленно обсуждавших какие-то новости, в магазине никого не было, и она немного успокоилась. А успокоившись, уже несколько иронично спросила Володю:

– И зачем же вы меня искали?

– Не знаю... Я вас почему-то запомнил.

– У вас хорошая память.

– Не обижаюсь.

– И часто вы так запоминаете?

– Случается, – Володя засмеялся, и Лена тут же почувствовала, как смущенная растерянность вновь возвращается к ней. Она быстро взяла первый попавшийся порошок и пошла к кассе. Но сразу испугалась своей решительности, того, что могла обидеть этим незнакомого человека, и, оглянувшись, слегка улыбнулась ему.

– Но на месяц поисков меня никогда не хватало, – сказал Володя уже на улице.

– Что же с вами случилось теперь?

– А шут его знает. Я просто запомнил вас, и помнил все время, и все время хотел увидеть. А почему... Да я и сам не знаю – почему. С вами такое никогда не случилось?

– Нет.

– Тогда вы счастливый человек.

– Почему? – улыбнулась Лена.

– Довольно-таки тошное занятие искать незнакомого человека, не зная, зачем это делаешь.

Они пошли по центральному проспекту, под лучами медленно увядающего солнца, и каждую минуту мог встретиться кто-то из знакомых, и уже давно пора было распрощаться с невольным попутчиком, но Лена никак не могла найти для этого предлог. Близость парня, его уверенная походка, его манера говорить волновали Лену, обезоруживали, и ей стоило больших усилий остановиться и наконец сказать:

– Ну, вот мы и пришли. Мне сюда.

– Вы работаете в детском садике?

– Нет. В детском садике у меня дочка.

– Интересно было бы на нее взглянуть. – Володя пристально посмотрел на Лену и неожиданно спросил: – Мне не надо было вас искать?

– Я замужем... У меня, как видите, дочка...

– Мне не надо было вас искать? – упрямо повторил Володя и легонько тронул ее за руку, пытаясь заглянуть в глаза.

Первый раз в жизни Лена почувствовала, что теряет над собой власть, что чужая воля значительно сильнее ее воли и что этой воле легко и страшно подчиниться. А Володя пристально смотрел на нее, и его рука все еще лежала на ее руке, и Лена невольно отступила на шаг, боясь, что они могут наделать глупостей.

– Нет, – тихо сказала она и отвела взгляд.

– Это вы говорите искренне? – задумчиво спросил Володя, и Лена поняла, что, если она сейчас ответит утвердительно, он уйдет и уже никогда более не вернется. Она беспомощно взглянула на него и еще тише ответила:

– Нет...

Вечер мягко заходил над городом. На фоне увядающего солнца над высокими трубами комбината поднимались красные столбы дыма. Из-за острова показался белый нос пассажирского теплохода, и над Амуром поплыл длинный низкий гудок – с теплохода запрашивали стоянку у дебаркадера.

– Вот и хорошо, – глубоко вздохнул Володя и отпустил руку Лены. – Вот и славно...

I

X

После патрульного облета тайги, после двух часов утомительного, изматывающего сидения у иллюминатора самолета Володя Огоньков (Огонек, как давно уже звали его в отряде) с великим удовольствием выпрыгнул на землю, жадно вдохнул свежий воздух, потянулся и с блаженством сказал:

– Красота! Какая же красота на земле!

– Красота – ночью на два виража, – нарочито лениво обронил Венька, тоже потягиваясь, тоже блаженно шурясь на солнце и жадно раздувая широкие ноздри.

– Охальник! – весело рассмеялся Огонек. – Только бы поохальничать, бесстыдник.

Шутка, видимо, была старая, так как они еще лениво посмеялись и неторопливо пошли по зеленому полю к подсобке, отведенной для них начальником аэропорта. «Аннушка», успевшая за это время дозаправиться, вырулила на взлетную полосу, чтобы облететь еще один квадрат тайги и вымучить за два часа еще одну группу парней из дежурного звена.

Перекусив в буфете аэропорта, Огонек и Венька улеглись на поляне, закурили и стали наблюдать за разморенными пассажирами, бесцельно кружившими по бетонным дорожкам.

– Дурацкая работа, – лениво сердится Венька, – то сутками дурака валяешь, то сутками вкалываешь. Не нравится мне это...

– Иди в пожарную часть, – посоветовал Огонек, – там будешь только загорать.

– А уж это – шиш! Это не по мне. Парашютист-пожарник куда ни шло, а чтобы просто пожарник... Не-ет, не по мне это. – Венька сощурился и далеко отшвырнул окурочок. – А вот сейчас бы на пляж, к девочкам, а еще лучше – к пивной бочке.

– Губа не дура... Давай вздремнем?

– Давай, – Венька вздохнул, – может, сон хороший приснится.

– Счастливо посмотреть.

– Спасибо.

Они проснулись, лишь только «Ан-2» коснулся шасси бетонной полосы. Отработанным чутьем, с первого взгляда поняли, что все нормально, пожаров нет и пока не предвидится и что на самом деле можно мотануться на городской пляж.

– Славно, – обрадовался Венька.

– Ничего, – поддержал Огонек.

И в это время из динамика послышался хриловатый голос Виктора Петровича Скворцова.

– Звено Огонькова – на тренировочный прыжок!

– Глупо, – покачал лохматой головой Венька.

– Примитивно, – согласился Огонек.

Они поднялись с мягкой, пряно пахнущей земли, всем своим существом ощутили ее под ногами, вспомнили, как выглядит она с километровой высоты, порадовались предстоящему чувству свободного падения над нею и неторопливо направились к своей подсобке...

Что-то подсказывало в этот день Огоньку, что сегодня он должен встретить Лену. Это чувство он испытывал утром, во время патрулирования тайги, тренировочного прыжка, не покидало оно его и сейчас. И даже более того, весь день он переживал такое ощущение, словно бы Лена где-то рядом, видит его, наблюдает за ним, и он невольно подтягивался, невольно ози-

рался, ожидая увидеть ее внезапно, как это случилось в прошлый раз в магазине хозяйственных товаров...

Был седьмой час вечера, когда они пришли на пляж, разделись и бросились в воду так поспешно, словно бы река через мгновение могла пересохнуть. Размашистыми саженками они вымахали далеко от берега, в полосу течения и понеслись к утесу, в опасный волнолом. Они оба хорошо знали и ценили риск и теперь шли на него сознательно, рассчитывая на свои силы и умение. Кипящие волны – споткнувшееся о подводные камни течение – они пролетели столь стремительно, что страх появился только за ними, в полосе мертвой зыби, образующейся за утесом. Здесь, в этой стоячей воде, они неожиданно ослабли, размякли от миновавшей опасности и с трудом погребли к берегу, где уже толпились многочисленные зеваки. Что и говорить – такое можно было увидеть не каждый день.

– Дураки, – переводя дыхание, проворчал Венька, как только они выбрались на берег и растянулись на песке. – Выпендрились!

– Умными не назовешь, – тоже ворчливо откликнулся Огонек.

– Вот бы Петрович увидел... Представляю...

Огонек огляделся. Он впервые попал на так называемый малый пляж, где купались и загорали в основном дети. И теперь здесь моржами лежали десятка полтора стариков да примерно столько же мамаш, бдительно приглядывающих за своими чадами. Старики, видно было по всему, недружелюбно отнеслись к их «подвигу», делавшему как бы вызов их немощи, покою и царствованию на этом пляже. Мамаша же поглядывали более благосклонно, с грустью припоминая свои несбывшиеся девичьи мечты. Что касается ребяташек – они были покорены беспрекословно. И вот в это время, оглядывая малый пляж, Огонек увидел Лену. Не раздумывая ни секунды, он вскочил и пошел к ней. Перешагивая через ноги какого-то «моржа», услышал брюзгливый тенорок:

– Отвести бы и сдать на спасательную станцию...

Огонек усмехнулся, хорошо представив, как берет их с Венькой этот обладатель тенорка под руки и ведет на станцию. Венька, привычно топавший следом, поощрительно предложил:

– А ты отведи. Мы не против.

Тенорок презрительно промолчал.

– Наживут пенсию и портят людям нервы, – торжественно добавил Венька.

Они подошли к Лене и не сговариваясь легли рядом с двух сторон.

– Здравствуйте.

– Вы ставите меня в неловкое положение, – нахмурилась Лена, – нельзя же так, в самом-то деле...

– Здравствуйте, Лена.

– Здравствуйте.

– Что мы натворили?

– Не понимаете? – Лена с упреком взглянула на Огонька, и только теперь он вспомнил, что она замужем. Вот эта женщина, лежащая рядом на песке, читающая какую-то книгу, была замужем. Огонек в это верил с трудом. Лена и образ замужней женщины, с которыми он раньше никогда не сталкивался, не укладывались в его голове. Казалось, она шутит, играет в семейную жизнь и вот-вот признается в этом.

– Огонек, – предупреждающе окликнул Венька, – ты выбрал не тот парашют... С этим можно и не приземлиться.

– А ты мог бы и погулять пока, – огрызнулся Огонек, – не подслушивать чужие разговоры.

– Пожалуйста, – Венька поднялся.

– Знаете, я как-то не представляю вас замужней женщиной, – признался Огонек, – не могу.

– Вам придется с этим смириться, – усмехнулась Лена. – Ваш друг в этом отношении гораздо сообразительнее.

– Может быть, – рассеянно согласился Огонек.

– И что это вам в голову взбрело? – Лена села на песке и с любопытством взглянула на Огонька.

– Что именно?

– Мимо утеса...

– А-а, вы об этом... Просто так. От нечего делать.

– Это заметно

– Да?

– Очень...

– Знаете, Лена, – Огонек тоже сел и задумчиво посмотрел на Амур, – у меня такое чувство, что вы будете моей женой...

– Вот как! – изумленно взглянула на него Лена. – Однако...

– Я верю в предчувствие, Лена, – перебил Огонек, – уже сегодня утром я знал, что встречу вас. Как видите – встретил.

Х

В этом месте сопки расступились словно бы для того, чтобы пропустить между собой удивительно светлоструйную речку с не менее удивительным названием – Грустинка. Кто, когда дал ей такое имя – трудно было предположить, но более удачного названия для нее и представить невозможно. Между елово-пихтовыми берегами с тихими плесами и потайными рукавами струила свои воды Грустинка, насквозь пропитанная горными снегами, таежной хвоей и дикими просторами. Кипела Грустинка на перекатах, тревожно и угрюмо рокотала под высокими заломами, светлопенными струями бросалась на голые гранитные утесы, и так от далеких верховий и до самого устья.

Леденево, поселок лесорубов и охотников-промысловиков, людей суровых и немногословных, был самым приветливым поселком, какие только встречал Славик Сергеев за свою жизнь. Разбросанные вдоль высокого берега дома из прочного кругляка с высокими просторными крылечками, белыми шиферными крышами, многочисленными окнами с резными наличниками, удивительно располагали к себе. Рядом с домами стояли прочные амбары на сваях, ладные баньки по-над Грустинкой, подвесной мост через речку и множество необыкновенно прогонистых моторных лодок на берегу. И речка, и сам поселок с первого взгляда заворожила Славика, и вот уже месяц прошел, а он все не уставал ими любоваться.

– Эвон, милай, дивишься ты чему, – говорила Славiku хозяйка, Степанида Петровна, – это ли диво? А вот как в верховья-то попадешь, за Синий Камень, вот там и дивуйся на здоровьечко. Там— то уже есть на что подивоваться.

– Так ведь и здесь красота какая! – не соглашался Славик.

– А ничего не скажу – красота, – кивала узенькой седой головою Степанида Петровна, – мы-то уже пообвыкли, присмотрелись. А только за Синим Камнем все одно краше...

– Да что это такое – Синий Камень?

– Дак камень, и все тут.

– В самом деле, синий?

– Я уже стара, милок, чтобы тебе тут байки сказывать, – осердилась Степанида Петровна.

– Извините, – смутился Славик, – я ведь не в том смысле, что вы... А только Синий Камень... Странно как-то.

– И что это ты, милок, на каждом слове звиненья кладешь. У нас мужика прощения спросить заставить – легче убить... А ты вот заладил одно: звините да звините. Мне твои звинения знаешь как нужны...

– Из... это так, нечаянно.

– Эк, мутно-то как вы живете в городе, – попрекала Степанида Петровна, – вот и даве мимо прошел – звиняешься. А я головой свихнулась в догадках: чего такого случилось?

В первые дни Славик совершенно терялся от строгости и ворчания Степаниды Петровны. Одно время он даже подумывал перебраться в больницу и там дожидаться окончания ремонта своей квартиры. Но как-то за ужином, словно угадав его мысли, Степанида Петровна строго сказала:

– Ты вот что, Сергеевич, ворчания мои близко к сердцу не бери. Я-от с детства такая. Вот покойный мой мужик, Семен Арсеньич, переделать не мог, а теперь и подавно не переделаюсь. Горбатого только могила выправит, так и меня вот.

– Да я ничего, – замялся Славик.

– А и я ничего, – неожиданно улыбнулась Степанида Петровна, – к слову пришлось.

Спустя несколько дней он случайно подслушал разговор Степаниды Петровны с внучкой.

– Ты, Тонька, хвостом перед ним поменьше верти, – отчитывала Степанида Петровна внучку, – он парень робкой, уважительной, а ты перед ним, бесстыдница, задом крутишь, ровно на горячую печку упала.

– Да с чего ты это взяла, бабуля? – притворно удивилась Тонька.

– А с того и взяла. Он вечер умываться наладился, а тут и ты следом выперлась, в юбке одной да лифчике. Колька проведает, он уж тебе, шельме, бока пообломает. И поделом.

– Да ведь это случайно получилось, бабуля, честное слово.

– Вот-вот, а парня не смущай, не навастривайся...

Славик Сергеев, сидевший за столом в своей комнате, от этого разговора смутился и почел за разумное и дальше сидеть втихомолку. И вновь он поразился проникательности Степаниды Петровны, так поразился, что два дня не смел ей в глаза глянуть, боялся, что она чего-нибудь такого и в нем разглядит.

Х

І

Тонька удивила и заинтересовала Славика буквально с первого дня. Вышло так, что устроившись с квартирой, он первым делом побежал к Грустинке, полюбовался подвесным мостом, потрогал удивительные, доселе невиданные им лодки и в совершенно расслабленном состоянии уселся на берегу. День перевалил на вторую половину, солнце хоть и светило ярко, но было по-северному нежарким. Грустинка мощно и ровно пронеслась у его ног, кружилась вокруг крохотных свай деревянных мостков, отчего грубо отесанные плахи вздрагивали и радужно отсвечивали каплями воды. На той стороне речки высилась огромная сопка, до половины поросшая неказистым ельником, дальше, обтекая каменные осыпи, цепко карабкался вверх приземистый стланик, а уже в самом верху лишь в редких местах лепился по скалам серебристый мох. Кажется, все, о чем мечтал на теплоходе Славик, сбылось и даже более того – было прекраснее, чем он ожидал. И тысячу раз прав был его случайный спутник, Федор Лукич, что и словом не обмолвился об этих красотах, что дал возможность Славiku Сергееву все увидеть и оценить самому.

Светило солнце, лениво и редко взлаивали собаки в поселке, шумела Грустинка, в многозначительном величии стояли сопки, теплом исходила земля, и Славик Сергеев, вобрав в себя и солнце, и речку, и горы, заснул с той безоглядной безмятежностью, с какой спят лишь в счастливой молодости.

Проснулся он часа через два разморенный и тихий и точно в том же расположении духа, в каком засыпал. Лень было шевелиться, открывать глаза. Он вспомнил сопки, вспомнил Грустинку и, неожиданно, Надечку Дулину. Все это каким-то удивительным образом соединилось в нем, опечалило, и Славик задумался. «Как бы хорошо было, – думал Славик, – но нет... С какой стати? Я бы купил такую же длинную лодку. Ведь она никогда не видела настоящих горных рек. Таких вот прозрачных... Но только не Надечка Дулина... Но почему нет? Ей бы обязательно здесь все понравилось. Ведь у меня скоро будет две комнаты. Отремонтируют, и у меня (подумать только!) будет своя собственная квартира. И потом... Сегодня же надо будет написать ей письмо. Немедленно!»

Славик вскочил, обогнул куст черемухи и на мостках, в пяти метрах от себя, увидел полуголую девушку. Видимо, она только что искупалась и теперь, стоя коленями на мостках, с изумлением смотрела на него. Ее кофта, полотенце и мыльница лежали на берегу.

Обхватив себя руками, девушка резко качнула головой, и длинные черные волосы закрыли плечо и грудь, обращенные к Славiku.

– Тю-ю, христовенький, ты кто такой будешь? – удивленно спросила девушка, с любопытством глядя на него через плечо.

– Я... простите, – Славик попятился, – я не знал... Извините...

– Да ты чего так напугался? – вдруг прыснула коротким смешком девушка. – Ишь, ажно позеленел. Голых девок не видел? Подай мне лучше кофту и полотенце.

Славик смутился окончательно, но и уйти теперь было бы смешно. Он осторожно подошел к вещам, так же осторожно взял их и, ужасно косясь в сторону, направился к девушке. Но как бы он ни отворачивался, а все равно увидел и насмешливую улыбку ее, и загорелое круглое плечо, и, когда она протянула руку за вещами, маленькую, красную от холода струйной воды грудь.

– Так кто же ты будешь, христовенький, что-то не припомню? – спросила девушка у отвернувшегося Славика, спокойно и сильно растираясь полотенцем. Голос у нее был низковатый, но в каждом его оттенке и вибрации звучала насмешка ли, ирония, обещание чего-то, или же подстрекание к чему-то. И голос этот чрезвычайно понравился Славiku. – Приезжий, что ли? – продолжала допытываться девушка.

– Приезжий, – неожиданным для себя баском ответил Славик.

– Оно и видно... Можешь оборачиваться. На работу?

– Да.

– К нам, что ли?

– К вам, – Славик, так и не решившись повернуться, пошел вдоль берега.

– В леспромхоз?

– Нет, в больницу...

И вдруг сзади послышался смех, потом кашель, потом опять смех. Славик оглянулся и увидел, что девушка сидит на мостках и, зажав лицо в ладонях, трясется от смеха.

– Что с вами? – несколько обиженно спросил Славик.

– К нам... в больницу? – все еще не могла успокоиться девушка.

– К вам. В больницу, – немного сердясь, раздельно ответил Славик.

– Врачом?

– Да! – с оттенком некоторой гордости отчеканил Славик.

– Так ты наш квартирант?

– Не знаю...

– Наш... Ну а как же ты баб наших больных будешь смотреть, или ты только по мужикам специалист? Ой, уморочка! И сколько же тебе лет, товарищ доктор?

– В сентябре будет двадцать три, – Славик нахмурился и пошел было прочь, но девушка торопливо окликнула его:

– Слышь, так мы ведь под одной крышей жить будем. – Девушка неожиданно посерьезнела, вскочила и, подойдя ближе, вздохнула: – Ох, как бы греха не вышло, христовенький, а?

Славик покраснел, рассердился и решительно заявил:

– Не выйдет, не беспокойтесь.

– А сердитый-то какой, – снова засмеялась девушка и быстро пошла по тропинке к дому. Лирика, грусть, Надечка Дулина – куда что подевалось. Оскорбленное молодое самолюбие пополам со смущенным удивлением – только и остались в тот момент в Славике Сергееве.

X

II

На следующий день Вячеслав принимал больницу. И сразу же, с первых шагов, ему припомнился разговор с заведующей райздравотделом...

Крупная, грузная женщина с властным лицом и вкрадчивым голосом долго изучала документы, внимательно смотрела на Славика, потом опять в документы и наконец сказала:

– Мда, возрастом вы не отличаетесь.

Она еще раз перелистала документы и вдруг насторожилась:

– Сергеев?

– Да, – подтвердил Славик.

- Простите, а вы не сын...
- Нет, не сын, – поторопился ответить Славик.
- Странно... Даже отчество совпадает. Значит, нет?
- Нет...

– Тем лучше. Меня зовут Ираидой Григорьевной... Так, с чего же мы начнем? – Заведующая задумалась, тяжело шевельнулась на стуле и почти неприязненно спросила: – Вы представляете, Вячеслав Сергеевич, в каких условиях вам предстоит работать?

– Конечно, Ираида Григорьевна, – Славик даже привстал на стуле, – я и практику...

– Подождите, – властно перебила Ираида Григорьевна, – будьте добры выслушать...

Так вот, вы будете работать заведующим Леденевской участковой больницей. Вы будете работать терапевтом, хирургом, невропатологом, акушером, педиатром, гинекологом... Вы должны будете овладеть снайперской диагностикой, быстро и квалифицированно назначать лечение, показать опытность, обширные знания, высокую профессиональную квалификацию, культуру клинического мышления...

Ираида Григорьевна говорила и говорила тихим, монотонным голосом, хмурясь и усмехаясь, словно уже заранее зная, что говорит все это напрасно, но что делать, такова уж ее неблагодарная обязанность. У Славика Сергеева легонько закружилась голова, в горле пересохло, но он и шевельнуться не смел, не то что слово какое-нибудь пропустить из уст заведующей райздравотделом.

– Дела примете у фельдшера... Замечательный человек, эта Анна Тихоновна. Вы с ней не ссорьтесь, – продолжала Ираида Григорьевна, – она ваш первый помощник будет.

– Да что вы...

– Не перебивайте. Так вот, Анна Тихоновна – замечательный практик, да и вообще практичный человек... Не ссорьтесь. Она заведующих в Леденеве человек десять пережила, – Ираида Григорьевна вздохнула и побарабанила пальцами по столу. – Не везет нам с заведующими в Леденеве, прямо беда. Больше года не держатся. Ну да ладно. Там сами все и узнаете.

Прощаясь, Ираида Григорьевна неожиданно ласково улыбнулась и словно бы с упреком сказала:

– Снабжение там у вас замечательное. Шприцы, медикаменты, инструмент – все есть. Ни одна участковая больница района так не обеспечена, как ваша. Вы это цените, Вячеслав Сергеевич...

– Снабжают нас всем необходимым очень хорошо, – говорила теперь фельдшер Анна Тихоновна Лопухова, – ни одной больнице в районе такого уважения не оказывают.

– А почему нам... оказывают? – с любопытством спросил Славик.

Анна Тихоновна, женщина небольшого роста, чернявая, быстрая и нервная, лет сорока, но все еще стройная, привлекательная, тоже с любопытством посмотрела на Славика, посмотрела тем долгим взглядом, который за молодостью Славик еще не умел выдержать.

– Для этого многие обстоятельства есть, – многозначительно ответила она. – Ну, например, наша больница самая отдаленная в районе... Да что я вам буду говорить, Вячеслав Сергеевич, поработаете – сами увидите.

– Да, конечно, – поспешно согласился Вячеслав.

За день с приемом больницы было покончено. Поликлиника (уместнее было бы назвать – амбулатория), стационарное отделение на десять коек, крохотный кабинет, круглая печать, машина «скорой помощи» – вот, пожалуй, и все хозяйство. Впрочем, Вячеслав остался доволен.

X

III

Следующий день для Славика Сергеева начался с визита больничного шофера.

– Степан, – коротко представился он.

– А отчество? – поинтересовался Славик.

– Необязательно, – отрезал Степан. – Машина на колодках стоит... Что будем делать?

Славик растерялся и нелепо спросил:

– А что надо делать?

– Ремонтировать надо, что же еще, – Степан без приглашения сел на стул. – На шатунах вкладыши полетели. Резина лысая. Чуть дождичек, а этого добра у нас по осени навалом, к первой же луже прилипнем.

Вячеслав ожидал любого больного, приготовился бороться с любой болезнью, лететь, ехать, идти пешком куда угодно, но такого коварного вопроса предвидеть не мог.

– Где же все это взять? – растерянно спросил он.

– В райздраве, – Степан был хмур и недоволен.

– Хорошо, – обрадовался Славик, обратив внимание на то, что рыжие волосы на макушке у Степана стоят ежиком, – я сейчас же позвоню в райздрав.

– Бесплезно, – Степан криво усмехнулся и достал папиросы. Он неторопливо закурил и, поискав глазами пепельницу, сунул обгоревшую спичку обратно в коробок.

«Надо бы запретить здесь курить», – мельком подумал Славик и обеспокоенно спросил:

– Почему бесполезно?

– А потому, что они вкладыши через год пришлют, резину – через три.

Теперь Славик растерялся окончательно и уже не пытался этого скрывать.

– Вы вот что сделайте, – мельком глянул на него желтыми глазами Степан, – вы начальнику лесопункта позвоните. Так-то будет вернее. Они еще с весны два комплекта резины к своему «УАЗу» получили, ну и вкладыши у них водятся. Он даст, только и вам надо будет кое-что для них сделать.

– А что же я могу для них сделать? – искренне удивился Славик.

– Ну, лекцию там прочитаете для рабочих, – уклончиво ответил Степан, – да и мало ли... Здесь всегда так делают: они – нам, мы...

– Так это же замечательно! – Славик даже вскочил от радости. – Я и сам хотел цикл лекций прочитать. Даже список подготовил.

– Его сейчас нет, – поднялся со стула Степан, – в лес укатил. А к вечеру прибудет. Заодно насчет винта к лодочному мотору поинтересуйтесь. У него есть...

Степан, тяжело ступая по широким половицам, вышел.

«Втулки, резина, винт», – сделал первую запись в календаре Славик Сергеев.

«Человек-то, кажется, очень хороший, – приободрился Славик, – все у нас с ним тут же и решилось... Самое главное, что надо усвоить раз и навсегда, – ничего не оставлять на завтра. Тут же, немедленно и решать».

Вошла Анна Тихоновна. Немного помявшись, заговорила, нервно подвязывая тесемки на рукавах халата:

– Через десять минут прием, Вячеслав Сергеевич.

– Я готов.

– Степан-то был у вас?

– Был, Анна Тихоновна.

– Ведь с весны машина стоит. Правда, на ней тут особенно не наездишься, по нашим-то дорогам, но все-таки.

– А на чем же ездить тогда? – удивился Славик.

– Речкой, Вячеслав Сергеевич, речкой в основном. Вот Степан-то уже два своих мотора ухлопал на эти поездки... А как же. Машина стоит, а на участке больной. Что-то ведь надо делать, вот он и возит на своем подвесном моторе. Ну, иногда даем ему отгулы, а иногда и так обходится.

– Как же, обязательно надо отгулы! – горячо возразил Славик. – Ведь он же не обязан на своем моторе по больничным делам ездить...

– Вот именно, – улыбнулась Анна Тихоновна, но ее маленькие ручки все теребили и теребили тесемки на рукавах, и Славик как-то не мог оторвать взгляд от этих тесемок.

За три часа приема пришли лишь два человека, да и те с такими пустяковыми жалобами, что сразу же и видно было – пришли они на нового доктора посмотреть, но никак не лечиться. Первой была женщина лет пятидесяти, разговорчивая, суетливая. Полчаса, не меньше, провела она в приемной, а Славик так и не понял, на что же она жалуется.

– Что у нее? – спросил Славик, как только женщина вышла.

– Да так, пустяки, – небрежно отмахнулась Анна Тихоновна, – время девать некуда.

Зато второй, нарядно одетой женщине Анна Тихоновна обрадовалась несказанно. Она так и засуетилась, так и завертелась волчком по кабинету, усаживая женщину и выказывая ей всяческое внимание. Женщина была спокойна и воспринимала все как должное.

– Что же вы, Вера Семеновна, так давно к нам не заходите? – щебетала Анна Тихоновна. – Учтите, с давлением шутить нельзя. Как вы себя чувствуете?

– Да вроде бы ничего. Вы ведь знаете, – несколько жеманно отвечала Вера Семеновна, – при моей работе совершенно невозможно подумать о себе... Каждый день нервотрепка, каждый день ругань...

– Вера Семеновна Мельникова, – сообщила после ухода женщины Анна Тихоновна, – плановик лесопункта. Жена нашего главного рыбинспектора.

Славику показалось, что Анна Тихоновна что-то недоговорила, но она перевела разговор на другое:

– Вот и все, Вячеслав Сергеевич, больше никого не будет.

– Почему вы так думаете? – удивился Славик.

– А у нас летом и осенью не любят болеть, – непонятно чему усмехнулась Анна Тихоновна, – если поживете у нас – сами убедитесь. Вот и стационар пустует, а зимою раскладушки ставим... Люди-то все больше в лесу, на свежем воздухе, чего им болеть?

Славик собрался было возразить, но потом вспомнил, в каком удивительном месте он живет, и тут же решил, что и люди здесь должны быть особенные.

В шестом часу вечера в кабинет к Славику ввалился крупный мужчина в клетчатой рубашке навыпуск и высоких кирзовых сапогах.

– Николай Константинович Охотников, – представился он, больно сжимая руку и весело глядя на Славику маленькими хитроватыми глазами из-под широких бровей, – начальник лесопункта... Шел вот мимо, дай, думаю, зайду познакомиться с медициной.

– Очень рад, присаживайтесь, пожалуйста, – Славик даже выразить не мог, как обрадовался визиту Охотникова. Весь день его мучил предстоящий разговор по телефону, а тут начальник лесопункта сам пришел.

– Как вам у нас? – Охотников широко повел рукой и так же широко улыбнулся.

– Очень хорошо! – искренне выпалил Славик. – Мне нравится...

– Еще бы, – горделиво кивнул Охотников, – а вот на участок наш съездите, в Муху, так и навсегда останетесь, а? Женитесь. Или уже успели?

– Нет, – Славик невольно засмеялся.

– У нас женитесь, – уверенно заявил Охотников и неожиданно весело подмигнул, – у нас такие крали – вмиг окрутят. – Охотников обвел взглядом кабинет и, переходя на серьезный тон, спросил: – Как устроились?

– Прекрасно, Николай Константинович.

– Ну-но, это хорошо... Если что надо будет – обращайтесь. Что в наших силах – сделаем.

– Знаете, – Славик замялся, – у нас... машина... В общем, поломалась. Не смогли бы вы нам помочь?

Охотников, казалось, нисколько не удивился, не заметил смущения Славика, а сразу же и спросил:

– А что вам нужно к машине-то?

– Вкладыши, резину, винт, – старательно прочитал Славик в календаре, избегая смотреть на Охотникова.

– Та-ак, – Охотников тяжело опустил на стол крупную волосатую руку, – вкладыши у меня есть. Резина? Мда... Тут дело сложнее. За разбазаривание резины и по шее могут дать. – Он выразительно и со значением посмотрел на Славика. – Ну да чего не сделаешь для родной медицины? Дам... Возьму грех на душу. А вот насчет винтов пусть Степка не... винтит. Я ему три месяца назад два винта выписывал. Вот так, дорогой Вячеслав Сергеевич. Мы для медицины – все, но, надеюсь, и медицина про нас не забудет?

– Конечно, что вы! – поспешил заверить благодарный Славик.

– Вот и хорошо, – сказал, словно скрепил какой-то договор Охотников. – Ну а теперь мне пора. Заходите в гости, всегда буду рад.

Охотников ушел, а Славик тут же кинулся в гараж, чтобы сообщить Степану радостную новость.

Так вот и получилось, что главным в его первый рабочий день оказались втулки, резина и винт. И радовался он их приобретению не меньше, чем если бы врожденный порок сердца вдруг вылечил.

X

I

V

– А, христовенький, подышать свежим воздухом вышел?

– Вышел, – сразу же напыжился и воинственно настроился Славик. За прошедший месяц он выработал в себе такое вот подобие защитной реакции против Тоньки.

– На танцы со мною не желаешь?

– Не желаю...

– Боишься?

– Кого мне бояться?..

Тонька, в коротком платье, с распущенными волосами, чистила картошку на крыльце. Славик стоял рядом и никак не мог уйти. А был вечер, и солнце по вершине сопки уже катилось, и всюду струились золотистые дымки из высоких труб над крышами. С крыльца хорошо Грустинка просматривалась, подвесной мост, нижний склад и гараж лесопункта на той стороне речки. Там тракторы, лесовозы суетятся, между ними люди расхаживают, и звуки едва слышно оттуда доносятся. А в клубе музыка из репродуктора грустит, по деревянным тротуарам ребятишки на семичасовой сеанс торопятся. Степанида Петровна в огороде капусту и огурцы поливает.

– Боишься, – скребет молодую картошку Тонька. – Я ведь знаю, что вчера не спал и, как бабулька про Кольку говорила, слышал... Вот Кольки-то и боишься.

– Ничего я не слышал, – краснеет Славик, отворачивается и на две ступеньки спускается с крыльца.

– Колька-то, он здоро-овый. Вмиг зашибет. Ему что врач, что Митька Бочкин – все едино.

Славик слышит, что Тонька уже едва сдерживает свой низкий приглушенный смешок, от которого у него холодеет внутри и хочется черт знает что натворить, но сейчас он мучительно вспоминает, кто такой Митька Бочкин. Славик уверен, что уже слышал это имя, но вспомнить не может и тихо от этого досадует.

– На речку пойдешь?

– На речку.

– Грустить будешь?

– Буду...

– Ох, христовенький, – притворно вздыхает Тонька, – ведь ждет же какую-то бабу этакое несчастье! О Надечке будешь грустить?

– Что?! – Славик живо поворачивается и оторопело смотрит на Тоньку. А Тонька знай чистит картошку, локтем волосы поправляет – вся ушла в работу.

– Ну, чего выверился-то? – смеется наконец Тонька и смотрит на Славика насмешливыми черными глазами. – Давно не видел? Вот она я...

И действительно – вся она тут, Тонька-то. Платье выше колен заголилось, на плече тоненькая белая бретелька видна, на щеке шелушинка от молодой картошки присохла, а в глазах бесенята прыгают.

– Не бойсь, – Тонька опять в работу ушла, – сегодня в твоей комнате убирала и под столом листок нашла. Вишь ведь как, ты с черновиками пишешь! А пишешь-то как – загляденье: «Милая Надечка!» – нараспев протягивает Тонька. – Так хорошо начал, а потом зачеркнул и выбросил.

– А вам бы не следовало читать, – вдруг снова перешел на «вы» Славик.

– Ишь ты! – хмурится Тонька. – Может, мне и учиться не следовало, чтобы «милая Надечка» не прочесть? Много чести, товарищ дохтур. Привет своей Надечке от меня передавай...

Тонька вскакивает, хватает ведро, кастрюлю и скрывается в доме. Славик стоит и ломает голову – в самом деле, обиделась или в очередной раз разыгрывает? Так ничего и не решив, он медленно пересекает двор, отпирает калитку и бредет к Грустинке.

То место возле речки, где спал Славик в день своего приезда, стало для него любимым, и чуть ли не каждый вечер он здесь проводил. Брал с собою журналы, читал последние медицинские новости, делал пометки, а всего чаще закатами любовался и мечтал бесконечно.

Анна Тихоновна оказалась права: больных или совсем не было, или же приходили с совершенными пустяками, так что и больными-то их называть было грешно. И первое рвение Славика – немедленно лечить, спасти, – немного поутихло. Лекция о вреде курения, которую он провел перед кинофильмом в клубе, прошла без особого успеха, под смешки и перешептыванье слушателей. Правда, Охотников благодарил, жал руку, но самому Славика она удовлетворения не принесла. Он задумал было новую лекцию о гигиене труда, но Анна Тихоновна отговорила его, сославшись на то, что времени впереди еще много, а теперь лето и людям не до гигиены. Тогда он решил провести санитарный рейд, но и этого, оказалось, не стоило делать. Собственно, он так и не понял почему, но целиком положился на опыт Анны Тихоновны.

Вечер угасал. На соседних мостках женщины полоскали белье. Автолесовозы и тракторы-трелевщики на той стороне работали уже с включенными фарами. На полной скорости вниз по течению пролетела моторная лодка. Славик рассеянно глянул на нее и тут же насторожился: на первом сиденье он разглядел человека, который показался ему знакомым. Он напряг память – редкая бороденка, красная кепочка набекрень – и сразу же вспомнил странного мужичка, попросившего у него рубль. «Значит, он живет здесь?» – удивился Славик.

Вечер угасал и переходил в ночь. По подвесному мосту быстро шел какой-то человек. Все это Славик отмечал краешком сознания, а сам теперь был далеко, в городе, где остались его дом, институт, Надечка Дулина и Светлана с Варей. Человек сбежал с моста и направился к Славика. Вершина сопки, за которой скрылось солнце, отливала красной медью.

– Это вы новый доктор? – Перед Славиком стоял высокий темноволосый парень в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

– Да... А что такое? – приподнялся Славик.

– Давай знакомиться, – сразу же перешел на «ты» парень и протянул руку. – Участковый Валерий Груздинский.

– Груздинский! – обрадовался Вячеслав. – Очень рад. Мне о вас много говорили.

– Давай на «ты», а? – поморщился Груздинский и неожиданно рассмеялся. – Уж если поспоримся, тогда на «вы» перейдем. Идет?

– Идет, – легко засмеялся Славик.

– Так что тебе говорили обо мне?

С первого взгляда Груздинский понравился Славiku. Как-то легче и увереннее почувствовал он себя рядом с ним. Было в нем что-то мужественное, открытое, благородное даже, и он невольно вызывал симпатию к себе.

– Да разное, – уклончиво ответил Славик.

– Анна Тихоновна?

– Как ты угадал? – удивился Славик.

Груздинский удовлетворенно засмеялся.

– Не советовала дружить?

– Да, – растерянно ответил Славик.

– И не посоветует, – нахмурился Груздинский. – Я ведь в отпуске был, а то бы давно к тебе нагрязнул, пока они тебя к рукам не прибрали. Много уже наколбасил?

– Как это? – Славик ничего не понимал.

– У Охотникова что-нибудь просил?

– Да, – Славик в очередной раз поразился пронизательности Груздинского.

– А что просил-то?

– Вкладыши, резину для машины и винт для лодочного мотора.

– Дал, конечно?

– Конечно, – оживился Славик. – Я даже и не просил особенно...

– Ну еще бы! – поморщился Груздинский и внимательно посмотрел на Славика.

– Теперь машина «Скорой помощи» у нас на ходу, – похвалился Славик.

Груздинский закурил и неожиданно переменял разговор:

– Ты женат?

– Нет...

– Надолго к нам?

– Я? Да...

– Значит, ненадолго, – нахмурился Груздинский, отвернулся и вроде бы сразу потерял интерес к Славiku.

– А почему ты так решил? – обиделся Славик.

– Бегут от нас заведующие, – усмехнулся Груздинский. – Год покрутятся – и деру...

– Почему бегут? – насторожился Славик.

– Скучно у нас. Без театра, клиник, перспектив... Наверное, поэтому.

– Для врача это не причины, – гордо объявил Славик, – он должен быть всюду, где живут люди.

– Это ты верно сказал, а только через год другое запоешь. Впрочем, извини, – торопливо буркнул Груздинский, – расстроил ты меня...

Славик оторопел.

– Я?! Да чем же?

– А тем, – раздосадованно глянул на Славика Груздинский, – что у Охотникова эти дурацкие вкладыши попросил.

– Но... Что же тут плохого? Я попросил, он дал. Вот и все. – Славик начинал сердиться и даже подумал, что Груздинский и в самом деле человек со странностями. «Лезет не в свои сани», – как заметила Анна Тихоновна.

– Да пойми ты, – в свою очередь обозлился и Груздинский, – случится производственная травма, а он тебя попросит оформить как бытовую. Откажешь? В мастерских у них полнейшая антисанитария. Ты на это акт составишь? Вот тебе и вкладыши. Мужик он деловой, ничего не скажу, лесопункт на ноги поставил, а вот на людей ему плевать! Третий год в мастерских душевую строит, вентиляторы устанавливает... А территория? Ты хоть там побывал?

– Нет, – Славик был убит, что называется, наповал.

– То-то же... Думаешь, врач – это чирей вскрыть, микстуру прописать? Тогда бы и я только с бандитами боролся... Вот поэтому Анна Тихоновна и не советует тебе со мной дружить.

– А она-то при чем?

При том, Славик, при том. Но об этом позже... Тебе у нас-то хотя бы нравится?

– Нравится, – рассеянно ответил Славик, мучительно соображая, что же такое могла сделать Анна Тихоновна.

– Это хорошо, – Груздинский поднялся, – мне пора. Я ведь только сегодня из отпуска. Дома еще толком не был...

Кажется, он заметил растерянность Славика Сергеева, поэтому вдруг тронул его за плечо и подмигнул:

– Ничего, доктор, не тушуйся. Теперь я тебя не оставлю. Твоя милиция тебя сбережет, как нынче говорят в каждом милицейском фильме. Будь здоров...

– До свидания, – вяло ответил Славик.

Валерий Груздинский ушел.

«Вот и начал работу, – тоскливо подумал Славик. – Как говорится, отличился по всем направлениям».

XV

Была уже ночь, и звезды крупно стояли над сопками, и ярко светила луна: белая, огромная, она лишь только оторвалась от еловых вершин и теперь беспомощно повисла, ничем и никем не поддерживаемая. И казалось Славику, что упадет, непременно упадет этот круглый шар и мячиком поскачет по земле, роняя холодные белые искры. И тогда полная ночь наступит в мире, и кончится жизнь, и лохматыми водорослями покроется земля, и среди этих водорослей уже вновь будет зародиться белок... Но расстояние между вершинами деревьев и луной на глазах росло, воздух все больше насыщался холодным светом, и долгая тишина затаилась над поселком.

В скверном настроении возвращался Славик домой. Он вспомнил, как жал ему руку Охотников, как многозначительно подмигнул, и с ужасом понял, что тот посчитал его за мальчишку. В тот самый момент, когда жал руку, когда подмигивал. И это для Славика было хуже всего.

«Ерунда, – являлась соблазнительная мысль, – Груздинский преувеличивает. Может быть, у него какое-нибудь зло на Охотникова? Хотя нет. Он же его и хвалил. Как руководителя. Что же теперь делать? Вернуть вкладыши и резину? А как же машина? Будет стоять...».

В дом идти не хотелось, и он присел на крылечке. С иронией подумал, что таким вот премудростям в институте не учат, не готовят к встрече с охотниковыми, не инструктируют, как следует поступать в подобных случаях.

– Ну, леший, лапы-то не распускай! – неожиданно услышал он приглушенный Тонькин голос.

– Ух, какие мы строгие, – ответил низкий мужской голос.

Тонька засмеялась чему-то.

Они стояли, видимо, у калитки, но из-за черемухи Славику их не было видно.

– Чего торопишься? – спросил мужчина.

– Надоело штакетник подпирать.

И опять приглушенный Тонькин смешок.

Славик представил, как они там стоят, плотно сомкнувшись, как поджимает Тонька полные губы, кивком головы отбрасывает волосы за плечо, как насмешливо мерцают ее глаза, и загрустил. И впервые он почувствовал, что одинок здесь, что в свою главную жизнь леденевцы его не пускают. Что все они – одно, а он – совершенно другое, и ему никогда не стать таким же, как они. Их объединяло что-то совершенно иное, отличное от того, чем интересовался и чем жил Славик. И как бы хорошо они ни относились к нему, все равно он для них чужой, потому что не родился и не вырос здесь. И терпят его лишь потому, что он врач, а не потому, что Славик Сергеев...

У калитки послышалась возня, смех, потом калитка скрипнула, резко звякнула щеколда, и вслед за тем раздался насмешливый Тонькин голос:

– Да он выше щиколотки и смотреть-то боится.

– Рассказывай, – громко и недоверчиво пробасил парень.

– Ладно, надоело! – нетерпеливо отрезала Тонька.

– То-онь, – уже тише позвал парень.

– Ну, чего тебе еще?

И опять легкий смешок, шум, шепот...

На дорожке показалась Тонька. Шла она быстро, сильно размахивая рукой и высоко вскинув голову. Казалось, ее фигура не отталкивала ни единой капли света, а вбирала его целиком и полностью, а потому словно бы светила изнутри. Сам не замечая этого, Славик с восторгом смотрел на нее, отмечая каждый ее шаг и радуясь, что в жизни такое случается.

– Христовенький? – испуганно ахнула Тонька и, споткнувшись, остановилась у крыльца. – Ты это что тут делаешь, а?

– Сижу, – радостно улыбнулся Славик.

– Сидишь? – уже рассерженно удивилась Тонька. – Подслушиваешь, да?

И лишь в этот момент Славик понял, в каком дурацком положении оказался, попавшись Тоньке на глаза. Он хотел извиниться, хотел все объяснить, но вместо этого тихо спросил:

– Ты его любишь, Тоня?

– А тебе-то что? – насторожилась Тонька и поднялась на одну ступеньку.

Теперь ее лицо было прямо напротив него, совсем близко, и Славик впервые понял, что Тонька очень красивая, почти такая же, как Надечка Дулина.

– Да нет, ничего, – он отвел взгляд, потому что было невозможно и дальше смотреть в огромные, светом луны переполненные Тонькины глаза.

– Ничего, – усмехнулась Тонька, – так нечего и спрашивать... Я ведь тебя не спрашиваю, любишь ты свою Надечку или нет.

«Все, – тоскливо подумал Славик, – прицепилась. Теперь в сто лет не забудет».

– Ты ужинал? – почему-то тихо спросила Тонька.

– Нет, – вздохнул Славик, – я только пришел.

– На речке сидел?

– Да.

– Бедолажка, – так же тихо сказала Тонька. – Морочишь мне голову. – Но тут же она словно бы спохватилась и уже прежним насмешливым тоном скомандовала: – Пошли ужинать...

– Явились, гулеваны, – проворчала Степанида Петровна. – Ишь, спарились, и ужин им нипочем.

– Любовь крутили, – засмеялась Тонька.

– Тебе бы хвост открутить – эка смиряча бы стала.

– Бабулька, да ведь я хвост еще в обезьянах потеряла.

– Оно и видно... А ты что же, милой, стоишь, словно в гости пришел, не проходишь?

Одичал на берегу, что ли?

Засмеялся и Славик.

Ели молодую отварную картошку с малосольными огурцами. Славик спросил:

– Степанида Петровна, что за человек Груздинский?

– Валерка-то? – Тонька прыснула. – Малахольный...

– Сама ты малахольная, – рассердилась Степанида Петровна. – Его дед с моим свекром, Арсением Семеновичем, деревню-то нашу и зачинали. Первые дома тут срубили. И он, Валерка-то, здесь вырос, здесь воспитывался. Я его каким помню – соплюшным совсем. Конечно, шибутной, да у них весь корень не из спокойных... Шибутной-то шибутной, а с Лизкой вон как ладно да мирно живут. Нет, – покачала головой Степанида Петровна, – ничего плохого о нем не скажу.

– Мы его в школе сыщиком дразнили.

– С вас станется.

– А завтра на работу, – вздохнула Тонька. – Дал бы больничный по знакомству, что ли?

Тонька сощурилась на Славика, и видно было, что лунный свет все еще не вышел из ее красивых глаз.

– Не болтай лишнего, – нахмурилась Степанида Петровна, – балаболка... А лучше ступай-ка спать, время вон какое позднее.

XV

I

Славик слышал, как кто-то сильно постучал в дверь, как поднялась и прошла по кухне Степанида Петровна, и тут же вновь заснул, свалившись головой с подушки и разметав руки. Заснул он столь крепко, что Степанида Петровна, без результата окликнув его несколько раз с кухни, вынуждена была идти расталкивать.

– Сергеевич! – строго окликнула она. – Вставай, милоч...

Славик открыл глаза, удивленно посмотрел на Степаниду Петровну, хотел улыбнуться, но тут же догадался обо всем и мгновенно вскочил.

– Что?! Что случилось, Степанида Петровна? За мной?

– У Венькиных мальчонка занемог... Нинку за тобой прислали.

– Я сейчас! Скажите, я сейчас выйду...

Сердце у Славика заработало гулко и тревожно. В одну минуту он оделся и выбежал на крыльцо. Луны уже не было – темная ночь стояла над миром, и лишь звезды давали жидкий, рассеянный свет. Здесь его ждала Нинка – девчущка лет тринадцати. Едва завидев Славика, она прижала руки к груди и зачатила, всхлипывая и шмыгая носом. Ничего не поняв, но еще более встревожившись, Славик нахмурился и не очень решительно скомандовал:

– Пошли.

Девочка перестала всхлипывать и быстро пошла впереди.

Десять, а может быть, и сто раз представлял себе Славик именно такую ситуацию. Представлял четко, с многими подробностями, взвешивая и анализируя не только каждый свой поступок, но и каждое движение, контролируя все, вплоть до выражения лица. «Оно непременно должно быть спокойным. Даже больше того – безмятежным». Он настолько все это вбил себе в голову, что другой раз и вспомнить не мог, было уже это с ним или еще нет. Но вот пришел настоящий случай, Славик бежит за перепуганной девчущкой и растерянно умоляет кого-то, чтобы ничего серьезного там не было, чтобы и вообще ничего не было. И хочется ему сейчас лишь одного: чтобы Нинка напутала, что-то не так сказала, и там, у нее дома, все хорошо, никто не болеет, а просто у ее брата небольшой насморк. «Растолките дольку чеснока, залейте столовой ложкой кипятка и получившуюся настойку закапывайте в нос малышу»... Если бы все было именно так.

– Нина... Тебя Нина звать?

– Да.

– Что там у вас? Только не торопись и не плачь. Все будет хорошо... Что там у вас?

– Ванька... упал...

– Откуда он упал?

– Ни... ниоткуда, – продолжала всхлипывать Нинка.

– Так что же с ним случилось?

– Не зна-аю...

– Сколько ему лет?

– Шесть... Он на кровати упал... и как задергается весь...

– Давно упал?

– Н-нет... Он упал, и я сразу побежала.

– Это ты хорошо сделала, – вздохнул Славик.

– Меня мамка послала.

Наконец девчущка свернула к дому с ярко освещенными окнами. Здесь их уже поджидали.

– Задохся, совсем задохся, – с отчаянием прошептала какая-то женщина, отворяя дверь.

– Где мальчик?

– А вот сюда...

Мальчик лежал на кровати. Рядом сидела мать и растерянно трогала его лоб. Увидев Славика, она поспешно вскочила и, ничего не говоря, отошла в сторону. Быстро прощупав

пульс и осмотрев ребенка, Славик понял только одно: в больницу, срочно в больницу! Ни слова не говоря, он схватил мальчика и, уже пробегая мимо матери, коротко объяснил:

– Надо в больницу.

Он бежал по ночному поселку с ребенком на руках и совершенно не думал о диагнозе. Мысли были разные: «Только бы не упасть. «Скорее бы добежать». «Кто-то бежит следом». «Как далеко они живут». «Хорошо, что прохладная ночь». Но стоило ему вбежать в больницу и положить мальчика на кушетку, диагноз определился сам собой – спазмофилия. А стоило определиться диагнозу, как мальчик, словно подтверждая его, забился в судорогах и начал захлебываться пеной, которая густо потекла из его рта. Сомнений не оставалось – спазмофилия...

– Уведите мать, – распорядился Славик. – Приготовьте шприц.

Славику казалось, что действует он лихорадочно и бестолково, но сестра на следующий день говорила Анне Тихоновне:

– Ваш-то, тихоня, как рывкнет на меня. Я что не знала – вспомнила.

«Искусственное дыхание изо рта в рот... Раздражение шпателем задней стенки гортани и надгортанника для того, – вспоминает Славик строчки из учебника, – чтобы вызвать рефлекторный вздох. Внутривенное введение 3-5 мл 10-процентного раствора хлорида кальция...»

Все это Вячеслав проделывает хоть и спешно, но без суеты, невольно вспоминая напутствие отца в свой последний вечер дома: «Не суетись». Действительно, суетиться было никак нельзя и думать о выражении лица – тоже нельзя. Впрочем, он и думать об этом забыл.

Наконец все сделано. Судороги затихают, но... остается пена. Мальчик продолжает задыхаться, захлебываться ненавистой Славику пеной. Еще раз шпатель. Еще раз «изо рта в рот». Не помогло. Еще раз и... еще раз. Все, не помогает! Что можно сделать еще?

Славица начало лихорадить. Он заметался, пытаясь припомнить еще что-то, но, кажется, припоминать об этом случае было больше нечего.

– Ваня... Ванюша...

Славик закрыл глаза, чувствуя острый холодок в груди и испытывая жгучее желание самому стать Ваней... И в эту минуту он пришел к неожиданно простой и счастливой мысли: попробовать отсасывать! Он бросился к шкафчику, быстро отыскал тонкую резиновую трубку, и, склонившись над Ваней, осторожно ввел ее в гортань.

Через минуту мальчик вздохнул, и Вячеслав физически ощутил, как прошел воздух в его легкие. Потом Ваня задыхался быстро и часто. Славик устало опустился на кушетку, и совершенно бессмысленная улыбка появилась на его лице. Он сидел и улыбался, и напряжение, длившееся с тех пор, как он увидел Ванюшку, медленно сходило с него...

XV

II

– Вячеслав Сергеевич, там мать спрашивает, что ей сказать? – Сестра подняла с пола таз и вопросительно посмотрела на Славика.

– Мать? Да, мать, – очнулся Вячеслав. – Скажите, что все хорошо. Пусть идет отдыхать.

– Она посмотреть хочет...

– Хорошо, пусть посмотрит.

Женщина робко вошла, и следом – Нинка.

– И ты здесь? – улыбнулся Славик.

– Да, – с легким вызовом, явно гордясь собою, ответила Нинка, а сама так и вцепилась глазами в своего Ванюшку, спокойно спящего на кушетке.

– Не могла никак домой спровадить, – виновато сказала мать, тоже глядя на кушетку и тяжело вздыхая. Потом она склонилась над Ванюшкой, послушала его дыхание. – Спит, – удивленно сообщила она.

– Спит, – шепотом подтвердила Нинка, и они, в чем-то очень похожие, счастливые и успокоенные, вышли из комнаты.

Славик подошел к кушетке и долго стоял, задумчиво глядя на спящего мальчика. Был он рыжеволос, с конопушками и маленьким вздернутым носом.

– Спит, – прошептал и Славик.

Домой он не пошел. Было слишком поздно, да и не хотелось оставлять мальчика с сестрой. Славик лег на вторую кушетку и медленно, шаг за шагом, еще раз пережил все случившееся. В первый раз в полную меру познал он сегодня свою ответственность за жизнь человека. До этого он никогда не оставался один: в институте и на практике всегда рядом находились старшие, более опытные врачи, они подсказывали, поправляли, когда это было нужно, и они же, оказывается, оберегали его от этой самой ответственности, которую он пережил и понял только сегодня. Теперь уже до стыда смешными казались его мысли о необычайных ситуациях, при которых он, сохраняя «безмятежное лицо», спасает людей. С сегодняшнего дня он уже знал, чего это стоит...

Утром мальчик чувствовал себя хорошо.

– Где мама? – встревоженно спросил он.

– Дома, – Славик только проснулся и теперь с любопытством и тайной гордостью наблюдал за Ванюшкой. Это был его, только его больной, которого он, кажется, спас от настоящей смерти.

– Я больной да?

– Больной, но уже совсем немножко.

– А уколы делать не будешь?

– Не будешь, – засмеялся Славик.

– А мама придет?

– Придет... Да вот, кажется, она уже идет...

Но вошла Тонька. Поставив на стол хозяйственную сумку, она встревоженно посмотрела на Ванюшку, потом – на Славика.

– Ну и как?

– Хорошо, – Славика распирало от гордости.

– Ванюшка, – подошла Тонька к малышу и погладила его по рыжей голове, – дядя не врет?

– Не-е, – замотал головой Ванюшка, – а ты че принесла?

– Поесть вам... Вы же сегодня в ночную смену работали.

– Это он работал, – ткнул Ванюшка в доктора пальцем, – а я болел.

Тонька засмеялась, мельком глянула на Славика, потом засмеялась опять и сказала:

– Ешь, христовенький... Небось заслужил сегодня.

Часть вторая

I

На краевую конференцию Виктора Щербунько вызвали вместе с Борисом. Выйдя из самолета, они сразу ощутили ровное спокойное тепло, свойственное Хабаровску во второй половине августа. В их же городке чувствовалось приближение осени: уже около недели стояли прозрачные от холодного воздуха дни и появились первые паутинки близкого бабьего лета.

– Смотри, тополя еще ни одного листочка не уронили, – восхитился Виктор Щербунько, показывая на проносившиеся за окном такси ровно подстриженные тополя. – Дома у нас, в деревне, в это время к путине готовятся.

Виктор Щербунько умолк, вспомнив деревню, мать, Марину вспомнив, и воспоминание это отозвалось в нем тихой грустью. В последнее время такое с ним случалось нередко, и всякий раз он упрекал себя за то, что уже два года не был дома, не виделся с матерью и на все ее упреки отписывался занятостью.

Борис же молчал совершенно по иной причине. Глядя на знакомые с детства дома, улицы и скверы, он невольно ощутил острое чувство оторванности от этого мира, и лишний раз укрепился в своем намерении поговорить с отцом...

– Куда едем? – через плечо спросил таксист.

– Я, пожалуй, в гостиницу, – рассеянно ответил Щербунько.

– Не выдумывай! Поедем к нам.

– А это удобно?

– Послушай, Щербунько, мы так не договаривались.

– Сдаюсь...

– Амурский бульвар. Кафе «Встреча», – сказал Борис таксисту.

Дверь открыла Анна Ивановна и обрадовалась несказанно. Она поцеловала Бориса, поцеловала Виктора, забрала их портфели и унесла куда-то в комнаты.

– Слышь, Борька, – зашептал Щербунько, – у меня такое чувство, словно бы я опять в институте учусь.

– И у меня тоже, – сдержанно улыбнулся Борис.

– Что же вы там шепчетесь? – услышала Анна Ивановна. – Проходите. Новости рассказывайте. Как там Вика, Лена?

– Все нормально, мама. Тебе большой привет передают.

– Спасибо. Боря, вам ванну готовить? – Анна Ивановна уже хлопотала на кухне.

– Помоемся хабаровской водичкой? – кивнул Борис на ванную комнату.

– Идет.

– Мама, готовь!

– Хорошо, Боренька. Сейчас я вам чистое полотенце достану.

– Отец вечером будет?

– Обещал... Да ведь у него на дню семь пятниц. Сейчас какую-то японскую делегацию принимает.

– Щербунько в Славкину комнату?

– Конечно. Я кровать застелю.

Щербунько, «несколько одичавший в холостяках», как он выражался сам, с удовольствием прислушивался к этому разговору, улыбался и пересматривал газеты, лежавшие на журнальном столике. Борис же, ошалевший от встречи с домом, ходил по комнатам, выглядывал в окна и вообще походил на новосела.

– Кто первый? – заглянула в гостиную Анна Ивановна.

Первым пошел Щербунько. Ванна была огромная, удобная, и, погрузившись в воду с хвойным экстрактом, Виктор блаженно закрыл глаза. Казалось, ничего больше и не надо, а лежать бы вечно в пахнувшей тайгою воде и вспоминать то, что было в тайге пережито. Ну хотя бы тот случай, когда упавшей елью придавило Прохора Безрукова и он, четырнадцатилетний мальчонка, захлебываясь слезами, рубил эту ель, подвигивал, а потом вытягивал бесчувственного и равнодушного Прохора. А Прохор, придя в себя и словно предчувствуя всю свою будущую жизнь, недовольно прохрипел:

– Зачем вытягивал, шельма? Лучше бы сразу...

Когда сели ужинать, пришла Светлана. Виктор Щербунько, сидевший спиной к входной двери, прежде чем Светлана успела слово сказать, вдруг почувствовал легкий озноб и смутное ощущение тревоги. Он удивился, оглянулся и, еще ничего не успев сообразить, по одним только глазам Светланы догадался: она почувствовала примерно то же, что и он.

II

В Хабаровске они пробыли три дня. Но с профессором им удалось поговорить только в последний вечер. Увидев Виктора Щербунько, Сергей Сергеевич нахмурился, ядовито сказал:

– А-а, провинциальное светило в Хабаровске.

– Сергей Сергеевич, – с упреком сказала Анна Ивановна, – что за тон?

– А он его хорошо понимает, – усмехнулся Сергей Сергеевич. – Извольте ко мне в кабинет, – пригласил, как приказал, профессор.

Щербунько с Борисом переглянулись и пошли за Сергеем Сергеевичем.

В кабинете профессора было уютно и покойно, пахло книгами и согретой на солнце кожей. Сели в глубокие старинные кресла. Ждали.

– Ну, деятели, с чем приехали?

– На конференцию, – ответил Борис.

– Это я знаю.

Разговор долго не ладился. Профессор был явно не в духе и почти не слушал их. Борис обиделся и вышел.

– Чем вы там занимаетесь? – вдруг прямо спросил профессор.

Щербунько не понял и растерялся.

– Я хочу сказать: над чем вы работаете? Есть же у вас какая-нибудь мечта? Может быть, сердце хотите пересадить?

– Да нет, не хочу, – улыбнулся Щербунько.

– Я понимаю, – опять нахмурился Сергей Сергеевич, – хорошо сделать операцию – значит много... Но неужели и все?

– Нет, не все, – улыбнулся Щербунько.

– Почему вы не пошли ко мне?

– Хотел практики и самостоятельности, – Виктор Щербунько невольно стал отвечать так же отрывисто, как задавал вопросы профессор.

– А теперь?

– И теперь хочу...

Профессор встал и прошелся по кабинету.

– Понятно, – хмыкнул он. – А на ваше место, дорогой Виктор Николаевич, пусть приходят неучи, ничего в медицине не смыслящие и не желающие смыслить, так, что ли? И они приходят, их подталкивать не надо. К вашему сведению, Виктор Николаевич, лучше десять бездарных хирургов в провинциальных городках, чем один бездарный преподаватель в институте. Ошибку хирурга еще можно поправить, можно вывезти больного сюда, в краевой центр, а вот ошибку преподавателя исправить нельзя. Будьте уверены, бездарный преподаватель непременно выпустит в жизнь не менее бездарных учеников. – Профессор окончательно рассердился и грозно остановился перед Виктором. – Так чем же, разрешите полюбопытствовать, вы теперь занимаетесь? Ради чего вы пожертвовали кафедрой?

– Меня интересует опухоль.

Казалось, Сергей Сергеевич не удивился. Он только расслабленно опустил в кресло и устало посмотрел на Щербунько.

– Злокачественная, разумеется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.